

18+

Писательский клуб «Альманах»
Страсти по Самайну — 2

Книга 2

Наталия Смирнова
Страсти
по Самайну – 2. Книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51689539

ISBN 9785449844590

Аннотация

Самайн – время, когда ведьмы устраивают шабаши, духи бродят в мире живых, а умершие навещают близких. Праздник древних кельтов, который делит год на темную и светлую части. #«Страсти по Самайну» – сборник мистических рассказов, пропитанный атмосферой кельтской мифологии. Обряды, друиды, фейри, деревья – каждая история таит волшебный сумрак древних легенд и сказок. Текст, пунктуация и орфография авторов сборника сохранены без изменений.

Содержание

Мария Богданова	5
Юлия Бурбовская	26
Анастасия Ворончихина	61
Наталья Герасимова	102
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Страсти по Самайну – 2

Книга 2

Наталья Смирнова *Составитель*

Алия Латыпова *Составитель*

Анна Седова *Иллюстратор*

© Анна Седова, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4498-4459-0 (т. 2)

ISBN 978-5-4498-4457-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мария Богданова

@dearmarielle

ЗЕРКАЛА ХРУПКОЙ СВОБОДЫ

Пролог

#

Ветреная ноябрьская ночь как всегда не предвещала ничего хорошего. Доминик уселся в кресло с книгой. Дверь где-то внизу то и дело бухала от порывов ветра. Штормовое предупреждение никто не отменял. С чувством неприязни он посмотрел в окно на безлунную ночь и движения деревьев, и подумал, что Самайн скоро, и он всегда приносит какую-то такую ерунду. В последние годы он все чаще вспоминал, как встретил ее, ведьму из клана. Как рыжеволосая красавица, немного вспыльчивая околдовала его. Если бы кто рассказал ему тогда, он бы поднял его на смех.

– Да ну это все, – подумал он и лег спать. После похорон деда прошло совсем не много, и хоть они виделись с ним редко, пережить это было тяжело. Да и жизнь среди людей была опасной, приходилось всегда контролировать себя и быть настороже.

Сон навалился и, закрыв глаза, Доминик перенесся на ночную заснеженную поляну посреди леса и никак не мог понять, где он. Место навевало тоску, сквозь туман бы-

ло плохо видно, и он неожиданно обернулся волком и побежал. Доминик не боялся полнолуний и всегда мог контролировать, когда ему становится волком, а когда – нет. Но не в этот раз... Прошло немного времени, и он привык к четырем лапам и хвосту за спиной. Вдоволь набегавшись и осмотревшись, захотелось искать путь домой. Вдруг он стал выше и через мгновение снова глядел на свои руки, осматривая их как в первый раз. Перевоплощение снова произошло так быстро и неожиданно, что он не успел мысленно перестроиться. Так и стоял, пока не услышал, как бабушка говорит ему:

– Дорогой мой, как я рада тебе! Доминик, ты нужен нам с дедушкой помочь завершить давние дела!

Глава 1

Он обернулся на голос. Рядом с одним из деревьев Доминик увидел молодую женщину в шляпе и с трудом начал узнавать в ней знакомые черты бабушки Улы, погибшей в тот страшный Самайн.

– Да, я себе такая молодая очень нравлюсь, хорошо, что там, – она подняла руку вверх нам разрешено это выбирать! Но речь сейчас совсем о другом.

– Доминик, дедушка сожалеет, что помог событиям встать именно так с Ковентиной, она такая холодная, не зря ее так называли. Все-таки имя всегда определяет характер, – с сожалением добавила она. – Ты мог бы исправить...

#Не дослушав, Доминик вспылил и пошел в сторону до-

роги.

– Доминик, внучек, подожди, не решай сгоряча! Как же я не любила это имя, кто дал им тебя так назвать – не в наших традициях! Слушай внимательно и запоминай! У нас было фамильное кольцо, наверное, ты помнишь, такое с короной, где руки держат сердце. Оно утеряно, украдено, не знаю. Заговоренное оно, специально. Найдешь кольцо – сможешь быть с той ведьмой, что разбила тебе сердце.

Перед глазами пронеслось воспоминание о прекрасной рыжеволосой и зеленоглазой девушке у ручья.

– Но у бабушки есть другая просьба, он обидел ее маму, с того и началась та грустная история. Ты должен передать извинения и фамильный обряд, хранимый нашей семьей через поколения, за который билось много людей. Теперь прошло достаточно веков и нам разрешено отдать его.

Утром Доминик сбросил сон вместе с одеялом и через мгновение уже был в ванной, но умывание не спасло от воспоминаний сна. Ощущения от пребывания оборотнем ему нравились, почувствовать ветер и все запахи леса, остроту зрения, свободу и прыгучесть, то, что не доступно для человека. Жаль, теперь это происходило редко, живя среди людей он мог только изредка выезжать в лес и там перевоплощаться.

Если бабушкины слова – правда?... Как найти теперь Ковентину. И это кольцо, будь оно не ладно.

Глава 2

Иногда перед глазами появлялась как видение картинка того дня встречи с Ковентиной. Это портило настроение на долгое время, хотя прошло его с тех пор уже очень много. Наверное некоторые вещи никогда не уходят и остаются с нами, могут долго быть за кадром, но однажды они снова проявят свою силу, оставляя темный осадок в сердце и понимание, что не все еще в прошлом.

В памяти всплывает сцена, как она плакала около ручья в тот дождливый день. Они были еще, можно сказать, детьми, пятнадцати и шестнадцати лет. Тогда все казалось смертельным и даже ссора с мамой, как в тот день. На первый взгляд, Ковентина казалась девушкой из соседней деревни. Она была доброй и воспитанной, несмотря на то, что она была дочерью главы ковена. Только вид одежды был немного необычен и выдавал ее. О том, кто она, она рассказала намного позже, а пока они просто общались, как друзья.

Вообще, наверно, дружить с ведьмой весело, пока она не превратит тебя в оленя. Но не Доминика, конечно, с ним ничего такого не было и она ни в кого его не превращала.

Семья Доминика часто переезжала, чтобы не догадывались о ее особенностях. Все случилось в тот год, когда они жили в деревне Гленгарриф, рядом находился прекрасный лес. Доминик был просто очарован красотами и пейзажами. Бабушка Ула тогда была моложе и очень деятельная, устроила его в школу. После уроков он пропадал в лесу, обращался

волком и гулял по окрестностям, потом снова превращался в человека, возвращался и делал уроки. Впервые за долгое время ему нравилась его жизнь. Пока не убили отца Ковентины.

Глава 3

В Гленгарриффе праздники отмечали всей деревней, новеньких принимали в семью, так как в суровом климате люди держались друг за друга, чтобы выжить. Нужно было жить очень осторожно. Семья поселилась в конце деревни, построила какой-никакой дом, печку, камин, благо камней округе нашлось несметное количество. Посадили много деревьев, чтобы дом не был виден.

Ковентина часто приходила вместе делать уроки. Потом они шли в лес, Доминик становился волком, бежал рядом с ней, много прыгал, как радостный щенок. Лес, надо сказать, был невиданной красоты, просто завораживал. Иногда уходили совсем далеко, ближе к заливу Бантри и долго смотрели на океан, как волны уносят все горести и добрые моменты. Длинные каштановые волосы Ковентины почти до колен приходилось заплетать, сворачивать и накрывать платком, иначе ветер свивал из них огромный бесформенный клубок, а всю обратную дорогу приходилось из распутывать. Доминик всегда считал, что ему повезло найти друга.

Но о спокойной жизни можно только мечтать, правду не утаишь и скоро началась охота. Наверно, в какой-то момент кто-то увидел волка – оборотня. С того момента все

пошло под откос.

Глава 4

И снова Доминик проснулся в испарине, во сне Блейн – папа Ковентины, погиб от меча.

На самом деле, в памяти не сохранилось, от чьего удара погиб Блейн, тогда случилась целая битва. Это было давно и изменило все.

Кофе утолил голод и дал свой чудо – эффект, что и говорить – любимый напиток, охлаждает голову, отрезвляет эмоции. Воскресный день только начинался, но Доминик уже перерыл весь кабинет деда и даже часть спальной комнаты.

В институт только завтра, – подумал он, – позвоню, скажусь больным, пусть найдут на замену другого лектора истории, в Дублине их полно.

– Фамильную брошь королевы и кольцо носила мама... Что же делать дальше... Думай, Дом, давай шевелись... Может поехать снова в Гленгаррифф...

К обеду весь второй этаж был перевернут и все, что было найдено – часть полки с книгами обрядов, заклинаний и несколько маленьких карт, похожих на таро и больших карт местности. На первом этаже ничего не удалось найти, но в подвале были несколько кинжалов старинного вида с красными камнями на резных рукоятках и скипетр тролля. Дом повертел его в руках, но так и не понял, что он делает и как оказался у семьи.

– И никакого кольца, – расстроился, Дом. – Самайн скоро,

боюсь даже думать о нем.

Глава 5

– Хорошо еще, что не уволили! – жажда одолела Доминика и он выпил воды – второй день подряд пришлось разбирать все вещи дома.

В наследство его завещал дед. Он был также оборотнем, правой рукой вожака. Как человек, он носил длинную бороду и усы, в обличии волка – был очень быстр, пегая шкура сливалась с красками леса и его появление часто было неожиданным. На его могиле Доминик поклялся, что сохранит дом.

Наконец-то можно приглашать гостей, устраивать вечеринки! Иногда ему казалось или мечталось, как по дому танцует и кружится девушка с длинными рыжими волосами. Что-то манило в ней, неведомое, глаз цеплялся, сердце начинало беспокойно себя вести, руки пытались тянуться к ней... и тут видение пропадало.

В старинных книгах было много непонятных записей, несколько фото со знакомыми и не знакомыми людьми, русалочья голова и еще много странных предметов. Еще пара подсказок бы точно не помешали. Кольцо Доминик хотя бы видел, но вот загадочный обряд... Что за обряд, как он должен выглядеть, быть написанным на бумаге? Во сне пытался связаться с бабушкой, даже просто мысленно представлял ту поляну в лесу, но ничего не вышло.

Вечером Доминик вышел на прогулку перед ужином,

и вдруг неожиданно для самого себя почувствовал, как превращается. Шерсть развевал ветер, а лапы сами куда – то несли.

Глава 6

Доминик не помнил, чтобы вот так непроизвольно превращался, как сегодня. Он оббежал парк Веджвуд, потом побегал до моста Кардифф, затем до Ратфарнем касл и прочь из города. Бежал долго, пока совсем из сил не выбился, но остановиться не мог.

– Хорошо еще, что в спортзал хожу, – усмехнулся сам себе Доминик. Волчий инстинкт вел вперед и вперед. Ему чудилось, что найдет особое место, очень нужно было туда попасть.

Остановился около чужого дома с сундуком рядом со входной дверью. Доминик огляделся, стало уже совсем темно и холодно. Недалеко он увидел лунную заводь реки. Он медленно побрел в её сторону и остановился недалеко от берега.

– Здравствуй, внучек! – Доминик обернулся на голос и снова увидел бабушку Улу, только очень молодую. – Трудную задачку тебе мы задали, дорогой, я понимаю.

– Почему я против воли обернулся? Такого еще не бывало! Это ты меня сюда привела?

– Очень странно, обряд, проведенный над тобой, ранее не давал сбоев. Ты не знаешь об этом, был еще мал совсем, и не помнишь. Благодаря ему полнолуние не страшно и мож-

но жить среди людей, никто и не узнает правду.

– А родители? Они тоже использовали обряд?

– Только папа, обряд разрешалось проводить только мужчинам. Но у него уже не спросить. – А тайники были и в старом доме под лестницей, И во дворе и в подвале, не знаю, помогла ли я тебе, внучек. Надеюсь, что да.

Глава 7

Дорога обратно заняла намного больше времени, и Доминик точно не знал, где именно он находился. Пришлось долго петлять по свежевывавшему снегу до Дублина.

Доминик вспомнил, как, однажды, они с Ковентиной играли дома и нашли мамины украшения. Ковентина их все перемерила.

У него было предчувствие, что, когда он вернется, все артефакты быстро найдутся. Настроение сразу поднялось и даже захотелось затанцевать и Дом вывел пару движений, но вдруг вспомнил, что все еще в обличии волка бродит по окраинам города. Перевоплощаться и пешком идти не хотелось, учитывая расстояния, так можно и 2 недели потерять.

Добравшись домой, он перевоплотился, привел себя в порядок и немного поспал. Долгий побег вымотал его. Налив себе вишневого вина, сел в кресло и долго думал, как спланировать поездку в Гленгарриф. На работе он взял отпуск.

Благодаря интернету маршрут был найден довольно быстро. Поезд до Килларни идет 4 часа, потом можно арендовать

авто и через Кенмэр до Гленгаррифа останется проехать всего 34 км, что займет примерно один час.

– Все равно целый день в разъездах, – подумал Доминик и начал собирать сумку.

Глава 8

Доминик помнил праздник Самайн с 4 лет. Все готовились к празднику, готовились надеть праздничную одежду. Заранее в доме делали уборку. Бабушка Ула, как всегда, в этот день просматривала старые фотографии умерших родных, оставляла на комодке для них тарелку с едой и сладостями, а на столе накрывала на несколько персон больше. Потом она с мамой читали что-то похожее на молитвы, но не совсем – обращение к умершим. Дедушка с папой куда-то уходили с другими мужчинами, возвращались с мясом забитых животных. А Доминик украшал дом, ему выдавали плошки с зерном, желудями и листьями.

Вечером весь клан собирался, жгли костры, пили горький эль и поминали усопших. Для этого специально в лесу вырубил поляну. Клан ведьм по своим обрядам варили зелья в кипящих котлах, что-то заговаривали и бросали в огонь, от чего костры становились синими, считалось, что очищение будет лучше. Музыка сопровождала праздник, кто пел, кто играл на инструментах.

Семья Риган в полном составе приходила на праздник, дедушка Домналл и бабушка Ула, папа Киран и мама Энья и, конечно, Доминик. Ковентина тоже приходила с семьей

Маллан – мама Аэринн всегда вела ее под руку, а папа Блейн шел рядом. Сначала главы кланов произносили речь, потом начинался праздник. Доминик всегда считал его странноватым, вроде не средневековье, а очищение костром, жертвоприношения всегда его пугали.

Тот самый страшный Самайн случился, когда Доминику было шестнадцать лет, было холодно и сыро. Но в этот раз праздник не был завершен. Сначала пир шел своим чередом, но сквозь пение и музыку вдруг послышались крики, звон металла – люди, как оказалось, всю ночь прочесывали лес. Костры трудно не заметить и вскоре они вышли на лобное место, вооруженные ружьями, вилами, копьями, ножами, граблями и всем, что попало под руку, выкрикивали гадости и проклятия. Они точно знали, где клан находился, это явно была наводка или заговор.

Битва была очень кровавой. Ведьмы стреляли огненными стрелами, зажженными от синих костров. Оборотни быстро перевоплотились и дрались очень храбро. Но против ружей устоять очень трудно. Все начали отступать в лес.

Семья Доминика разделилась, в обличии волков они дрались, пытаясь спасти друг друга. Дедушка все время стоял впереди Доминика и защищал его собой.

Папа Ковентины всегда носил меч и прекрасно им владел, и храбро дрался. Мама с луком отстреливалась, взял огонь на себя, держа Ковентину позади. Но силы были не равны.

Тут подоспела еще группа людей. Женщины хватали де-

тей и убегали кто куда.

Дома многих нашли и сожгли. Битва была жестокая, многих убили, а тела бросали в костер. Папу Доминика застрелили, маму окружили и толкнули в костер, бабушка погибла от удара топором. Дедушка мог помочь и спасти отца Ковентины, но он выбрал Доминика и защищал его.

Остатки кланов ушли далеко. Мама Ковентины собрала детей и увезла в соседнее селение, потом они долго шли пешком, пока не набрали на заброшенную деревню с покосившимися домиками. А дедушка долго вел Доминика, нигде не задерживаясь более одного дня, пока не добрались до Дублина.

Дедушка решил осесть в Дублине, обряд должен помочь выжить в большом городе. Тут часто соседи не знакомы друг с другом. Сам устроился в строительную компанию, так как сам строил все дома, в которых жила семья. Доминика определил в одиннадцатый класс соседской школы. На жизнь хватало, жили они скромно. И тихо. Никто ни о чем не знал, ни соседи, ни сослуживцы.

После школы Доминик выучился на учителя истории, стал работать в школе. Дедушке становилось все тяжелее работать и он перешел со стройки на бумажную работу, а потом и вовсе уволился, а Доминику предложили работать в Тринити колледже с отличной зарплатой.

Ковентину он больше никогда не видел.

Глава 9

Ночью сон был беспокойным, снилась лежащая на заднем

дворе раненая птица, в боку торчал небольшой кинжал, а рядом стоял красивый инкрустированный флакон с облепиховым ядом.

Как и ожидалось, Доминик провел в дороге целый день. Ехать на поезде ему понравилось – современный, удобный с прекрасной кухней. В Килларни он не задерживался, так как заранее обзвонил каршеринговые компании и нашел одну поближе к вокзалу, пешком нужно было пройти всего минут пятнадцать. По дороге он любовался видом из окна, живописная равнина сменялась холмами и лесополосами.

Красота пейзажей Гленгарриффа сразила сразу, величественный лес шумел и солнечные лучи рябили, отражаясь в листьях, лужах. Шелест листьев синхронизировался с памятью и получался двойной эффект, будто смотришь в два стоящих напротив друг друга зеркала.

Гленгарриффский лес разросся, Доминик с трудом узнавал местность и долго бродил. В какой – то момент он даже испугался, не заблудился ли, и уже не знал, как выйти обратно к машине. Позже нашелся ручей, давно знакомый. По нему Дом сориентировался, взял курс вправо, и начал проходить мимо разрушенных и сгоревших домиков, а, вскоре, вышел к фамильному имению Риган. Дом покосился, оброс виноградником и выглядел взъерошенным, краска осыпалась, ступени треснули. Доминик был так растроган, расстроен, что, привалившись к стене, заплакал. Он вспомнил лицо мамы, как она закрывала его собой в ночь убийства. Ви-

дения приходили одно за другим. Опустившись на ступеньки, долго просидел и даже забыл о времени и делах.

Опомнившись, он легко открыл покосившуюся дверь. Похоже, что кто-то пытался сюда заходить, возможно, забрать ценности, но потом передумал. Не рискнул ничего взять из дома оборотня.

В доме все было в пыли, паутине, мебель валялась. На стенах обвалилась штукатурка, кое-где даже мох вырос.

– Неудивительно, – подумал Доминик, – прошло уже почти семнадцать лет.

Осмотрев дом, он вышел с сад, точнее то, что от него осталось. Фруктовые деревья погибли, остались только сухие стволы с обломанными ветром ветками, старый красный клен был красив, как и всегда, с огромными листьями. Тропинки все поросли травой.

Доминик хотел пройтись по лесу, по всем знакомым и любимым местам, но почувствовал, что проголодался. Он так ничего и не ел с самого утра.

В машине он достал свою сумку с едой и быстро съел заготовленные бутерброды. Прогулку он решил оставить на следующий день, вернуться в дом и заняться поиском. И тут его внимание привлекло что-то, мелькнуло в почтовом ящике.

– Письмо! – не веря своим глазам, он достал его и развернул.

Не известно, сколько пролежало это письмо, бумага была уже почти коричневой, чернила кое-где выцвели.

«Дорогой Доминик!

Надеюсь, ты когда-нибудь вернешься взглянуть на дом. Мы с мамой много переезжали и последнее время жили в Дублине. Не так давно мама умерла и я приехала сюда, помянуть ее. И папу. Всех. Не знаю, зачем все это пишу. Но, возможно, ты бы тоже хотел увидеться. Мой адрес на конверте. Буду очень рада хоть что-нибудь услышать о тебе.

Глава 10

Света в доме не было. Доминик сначала искал со свечкой, потом ушел спать в машину.

Во сне он снова был волком, гулял по Гленгарриффскому заповеднику, как раньше. Любовался на бамбуковый парк. А на заливе Бантри увидел, как бушевал шторм и волны били о берег. Старый пирс стал совсем ветхим. Сегодня был день Самайна, в этот день семнадцать лет назад жизнь изменилась.

– Как я рада тебе, Доминик! – бабушка Ула была сегодня в своем праздничном платье для Самайна, подошла к нему и радостно обняла. – Какой ты молодец, что приехал! Я так скучаю по этим прекрасным видам. Мечтала встретить там старость, но судьба распорядилась совсем по-другому. Я понимаю, что расставание с тобой было неизбежным, но это было очень жестоко. Обряд, который ты должен отдать – возможность говорить с умершим. Раньше он передавался главам клана и только они могли его использовать. Теперь нужно передать его новому вожаку. Как-то я видела, что твой

папа что-то прятал в стене недалеко от лестницы.

Хочу тебя предупредить. Найдешь кольцо – смотри, чтобы никто не одел, иначе не сдобровать. Твоя мама проклятье наложила, оберег это был у нее и никто другой не мог одевать. А Ковентина твоя поплатилась, когда примеряла его. Но так и быть, делай, как я скажу, надеюсь, поможет.

Доминик все внимательно выслушал и запомнил. Сложилось ощущение, что это последний раз, когда он видит бабушку Улу. Он долго обнимал её, бабушка плакала, гладила его по голове, успокаивала. Потом попрощалась и растаяла в воздухе, а Доминик еще долго сидел и плакал около пирса.

Утром, наспех перекусив, он сразу принялся на поиски. Начал с верхних комнат, перевернул все вещи и мебель, простучал все половицы. Затем в гостиной и кабинете. Старался делать все очень быстро, будто его подгоняли.

Кольцо находилось в углублении в стене, небольшой тайник под картиной. Там также были фото семьи и какие-то старые бумаги.

Обряд пришлось искать очень долго. К тому времени Доминик пол сада перекопал и очень устал. В какой-то момент хотелось кричать от бессилия и отчаяния.

Тогда он решил передохнуть и сходить в лес. Поляна для праздников уже заросла травой и кустарниками. Ручей все так же весело бежал мимо деревьев. Воспоминания снова нахлынули, но Доминик поспешил обратно.

Дома он продолжил поиски с новыми силами. Нашел мно-

го старых документов, записи, дневники разных родственников. Облазил все комнаты, подвал, чердак, но обряд так и не нашел.

К вечеру он так разозлился и одним решающим ударом разрушил полстены у лестницы. Стена с грохотом обвалилась. В обломках он нашел рукописные тетради, бумаги, старинную книгу и маленькую шкатулку с украшениями.

Глава 11

Доминик решил забрать из дома все архивы, книги, бумаги, все, что нашел. Погрузил все в машину, попрощался с домом, лесом, пейзажами и своим прошлым. Пора было возвращаться в реальную жизнь.

Дублин очень нравился Доминику. Возвращаясь, он отметил ощущение, что едет домой. Маршрут был тот же, машиной до Килларни, рассчитаться с каршеринговой компанией, и на поезд. В дороге он перечитывал письмо и захотел поехать к Ковентине. Даже нарисовал в воображении будущее, радость встречи, спасение от проклятия, задушевные разговоры о жизни. Мама всегда звала её «снежное беспмятство», так как имя Ковентина означает «память о снеге», но она вечно все забывала.

Вернувшись в Дублин, он отработал неделю, как в тумане. Все представляя встречу во всех деталях. Еле дождался последней лекции в субботу. Придя домой, еще раз перечитал письмо, затем адрес. Долго сидел, думал. Затем встал, посмотрел на себя в зеркало, поправил галстук, одел пальто

и вышел из дома.

Глава 12

К.М.

Кемптон Грин 124, Эштаун, Дублин, Ирландия

В районе замка Эштаун он бывал редко, пришлось воспользоваться навигатором. Доминик включил радио в машине, чтобы ни о чем не думать. Уже наступил вечер и блуждающие огни проезжающих машин сильно отвлекали, Доминик никак не мог сосредоточиться. В итоге свернул не туда и почти заблудился. Пока он добрался до места, на небе уже появились первые звезды и млечный путь. Дом 124 по Кемптон Грин роуд был небольшим кирпичного цвета со ступеньками перед входом. Доминик позвонил в дверь и разнервничался, теребя в руках письмо. Дверь открыла рыжеволосая девушка в кремовой кофте.

– Что вы хотели? – спросила она и осмотрела Доминика, увидев в руках письмо, вскрикнула.

Так они и стояли очень долго, не шелохнувшись. Потом кинулись друг другу на шею.

Они вышли в кафе Малберри выпить кофе и долго болтали. Ковентина рассказывала, как они с мамой спаслись, как долго скитались. Мама успела забежать домой взять деньги и ценности, что дало им возможность продержаться немного. Они объездили всю Ирландию, нигде более полугода не задерживаясь. Лет через десять, мама предложила поехать в Дублин. Там они сняли квартиру, устроились ра-

ботать в магазины и жили очень тихо. Вскоре мама познакомилась с ведьмой и влилась в дублинский клан.

Глава 13

Ведьмы помогали друг другу, чем могли. Ковентина даже подружилась с молодой Аханой, одного с ней возраста. Ведьмы проходили обучение колдовству, обрядам, грамоте и Ковентина смогла доучиться всему.

Ковентина познакомила Доминика с ведьмами ковена. Возможно, кто-то из них знает, есть ли в Дублине оборотни. А Доминик рассказал ей об истории с кольцом мамы и в один из дней они пошли в парк, нашли безлюдное место и, используя все рекомендации бабушки Улы, разрушили чары кольца.

Доминик пытался выяснить, кому можно отдать обряд. Раз этим знанием владел только вожак, то нужно искать такого в местных стаях.

Нашлись другие оборотни в Дублинской стае. Никто из них не умел так хорошо контролировать перевоплощение, так как никто не проходил обряд. Слухи поползли об оборотне, который имеет суперспособности.

Домиником заинтересовались. Стали приглашать на сходки и мероприятия. Вожак стаи стал держать его подле себя. Со временем даже предложил стать правой рукой. И все пытался выяснить причину его возможностей. Но отдавать обряд Доминик не торопился. Решил подождать, пока сам станет вожаком.

Любовь к Ковентине проснулась постепенно. Они стали часто видаться, гулять по Дублину и вскоре трудно было представить жизнь друг без друга.

Эпилог

Ковен продолжил обучать Ковентину премудростям. Она повзрослела и превратилась в сильную и умелую ведьму.

Доминик продолжил работу в колледже, но по вечерам отдыхал в обществе Ковентины или других оборотней, ему понравилось быть правой рукой вожака. Было и много завистников, которые злились и строили козни.

Доминик решил применить обряд по общению с умершими. Он был на старом пергаменте. Нужно было смешать много трав и внутренностей разных животных, так же немного крови того, кто проводит обряд. Без жертв ничего не получится. Они с Ковентиной поговорили с умершими родителями, попрощались с ними и попросили благословения.

После обряда Доминик встал на одно колено и достал заготовленное кольцо...

K. M»

Юлия Бурбовская

@cvetnie.ladoshki

Я САМА

Пролог

Огонь пожирал нашу деревню. Сухая солома на крышах занялась сразу, как полыхающий факел. Люди в ужасе отпрянули, что-то ропща. Их могучий и сильный вождь Виллем – мой отец – стоял сейчас связанный. Связаны были и мои братья Брайан и Варден. Только мать, ползая на коленях, пыталась удержать человека с мечом. Остановить. Она орала так, что криком поцарапала горло.

Человек в черном шлеме повернулся к ней и что сказал. Мне не было слышно слов, а полуденное солнце слепило глаза. Крепкие, еще сильные руки бабушки удерживали меня в зарослях кустов, не давая броситься туда, на помощь.

Мать растерянно замолчала, переводя взгляд с одного сына на другого, будто выбирала. Наконец она сморгнула слезы и покачала головой. Человек что-то насмешливо каркнул ей и засмеялся. Меч просвистел и от одного его движения рубахи моих братьев окрасились кровью.

Другие воины убили отца. Затем чьи-то руки подхватили оцепеневшую от ужаса мать, посадили на лошадь и увезли. Быстро, жестоко, безжалостно. Копыта выстукивали «ни-

ког-да-ни-ког-да-ни-ког-да».

Последние силы покинули меня и я рухнула на траву спиной. Наверное сердце от удара выпрыгнуло из груди и поскакало куда-то быстрым зайцем. Там, в деревне, с грохотом и свистом проносился отряд всадников-завоевателей, мечи которых не знали пощады и жалости. Я видела их гадкие чёрные маски. Они уничтожили моё счастье, мою любовь и целую жизнь. Насовсем.

Мне хочется кричать и от этого крика я просыпаюсь. Это было много зим назад, но до сих пор я почти каждую ночь я вижу тот пылающий кровавый полдень, слышу мамин плач и просыпаюсь в холодном поту, а заснуть могу только слушая тихий бабушкин голос. Яркие кусочки былого счастья рвут мою душу на части, раз за разом возвращая память в прошлое.

– Ула, милая, опять? – добрый, по-старчески скрипучий, голос возвращает меня в реальность.

В комнате темно, только жаркий очаг неровно освещает середину красно-оранжевым пятном. Свет не достает до углов, скручивая тени в причудливые образы. Сильно пахнет травами, овцами и немного сыростью.

– Бабушка, ты не спишь?

– Да встала, уж рассвет скоро. На вот, выпей это, – бабушка протянула мне душистую чашу, до краев полную обжигающего травяного чая.

От терпкого привкуса отступила даже тоска, к которой я

уже привыкла. Эта тварь меня уже не кусает, но и не уходит далеко.

Я накинула на плечи шерстяной плащ и вышла за порог. Под одежду сразу же пробралась колючая прохлада, защекотала нос. Вот и солнце просовывает тонкие пальцы сквозь голые уже ветви деревьев. Померкла поздняя звёздочка. За спиной скрипнула дверь – бабушка вышла следом за мной.

– Скоро замкнется Колесо Года. Готовятся люди к великому завершению цикла, к переходу к тёмному времени. Но пора тебе взростеть, дитя мое. Вслед за Самайном придет Бейлихвен. Настал твой час пройти грань миров. Настал твой черед снискать благословения старухи Морриган и говорить с ее детьми.

– Мой?! Почему я, бабушка Брит?

Старушка молчала.

– А ты, бабушка? Ты пыталась с ними поговорить?

– Духи не хотят со мной говорить, дитя мое... Они являются лишь тем, кто чист душой и помыслами светел. Тому, кто верит беззаветно, кто выбран был судьбой.

– Но почему я? После стольких зим...

Я смотрела в её глаза и не находила ответа. Бабушка Брит лишь пригладила мои непослушные рыжие волосы и улыбнулась.

Глава 1

– Скоро замкнется Колесо года, – любила говаривать ба-

бушка Брит, – Скоро взметнутся в небо жаркие костры. Страшитесь, люди! Содрогнитесь, духи! Покоритесь воли матери Морриган! Скоро, совсем скоро придет испытание Безвременьем.

Годы не сломили её, но оставили свой неизменный след. былая стать поникла да по лицу разбежалась паутина глубоких морщин. Волосы, сплетенные в две длинные косы, побелели, как снег, что приходит в Риурос.

Но как же шустро она управлялась! Без устали пекла хлеб и пресные лепешки, готовила дом к Темнейшим глубинам. Вдвоем мы загоняли овец с пастбища, отбирали слабых, что не переживут холодов, и закалывали. Вялили мясо и спускали его в погреб.

Зима тем временем основательно примерялась. То брызнет дождём вперемешку со снегом; то притихнет, тучу в сторону сдвинет и, кажется сейчас солнце выпустит, но нет. Дунет что есть силы ветром и вернет пузатую серую тучу назад. Жесткая снежная крупа из неё сорит и засыпает зеленую еще траву ледяным ковром.

Пусто, холодно, серо и больно внутри. Одиноко. Как же не хочется пускать тебя, зима! Только разве она спрашивает? Придет и надолго установит свои холодные неумолимые порядки. Оголит деревья, охладит воды, окурит деревню печными дымами и кострами Самайна. Малое солнце, и то будет ходить низко, да всё больше станет прятаться, отдавая большую часть ночи.

А я пережду Самайн да призову на помощь духов предков в Бейлихвейн. Предчувствие не обманет. Покачнется ткань мироздания. Истончится прозрачная грань миров, поведет меня тонкой нитью в царство теней да откроется то, что сокрыто грядущим.

Глава 2

– Чтоб тебе провалиться! Куда пошла, скотина проклятая, сид тебя побери! – тут и там раздавались крики, ругань, топот копыт тонул в чавчающей грязи. Селяне собирали свой скот на круглой поляне – надо прогнать их промеж священных костров, очистить перед зимой. Наступило Безвремяе.

– Доброго вечера тебе, Ула! – поздоровалась со мной большая дородная женщина. Эпона спит и видит, как обручит меня с сыном Оланом в Лугнас.

Олана я помню еще угловатым прыщавым мальчишкой, играли мы в детстве в лесу. Теперь он высок и широк в плечах. Но последние десять зим Олан молчит. Молчит с тех самых пор, как его отца убили у него на глазах, так же как и мою семью. Он только мычит да смотрит в глаза пристально.

Во время священного шествия Олан взял меня за руку. Теплая у него ладонь. Его большой бестолковый рот расплылся в улыбке.

Пахло дымом. Плотное черное одеяло ночи подоткнуло края со всех сторон, укрыло круглую поляну, так что леса стало не видно. Только между темными стволами плясали

неясные тени. Нечеловеческие. Огромные. Липкий противный страх овладел мною и все, что я могла сделать – не закричать да покрепче запахнуть на груди шерстяной платок.

Наутро погасли костры Самайна.

– Открой, Эйна! Я пришла просить помощи! – набравшись смелости, выкрикнула я. Дверь со скрипом отворилась и на меня из темноты воззрилась сморщенная, как печеное яблоко, старуха.

– Что тебе надо? – неприветлива ведунья, ох неприветлива. Руки, похожие на птичьи лапки, еще держат дверь, готовые захлопнуть ее перед моим носом.

– Желаю с духами говорить в Бейлихвейн!

– Дура! Как есть дура! Умоешься ведь слезами! – бесцветные глаза впились в сердце как острое копьё. Эйна вздохнула сквозь остатки зубов, пропуская меня внутрь.

Земляной пол пах сыростью, глиные стены чуть потрескались. Под низким закопченным потолком на веревке сушатся травы. Эйна тихо забормотала и бросила что-то в котел над очагом, от чего жижа в нем стала черной.

День и ночь за окном смешались необъяснимо длинные, стягивая в общий узел дом, двор, желтый лунный блин, тлеющие головешки в очаге. Узловатые пальцы Эйны с черными ногтями протянули мне чашку, до краев полную варева:

– Пей! – от питья горло словно обмотало колючками, – А теперь иди!

Глава 3

Круглолицая луна танцевала в облаках, пока я возвращалась домой. От бега дыхание сбивалось, неровными толчками выпуская облачка пара, а стылая земля уже не чавкала под ногами.

Сколько же времени я провела у Эйны? Бабушка! Бабушка наверняка потеряла меня!

У порога наш пес прыгал мне на грудь и дурачился, но я отпихнула его и отворила скрипучую дверь.

Тишина стояла такая, что ее можно было потрогать. В очаге плясали всполохи огня, а по глиняным стенам двигались кривые тени. Казалось, воздух корчился от напряжения.

– Улааааа... – услышала я. Голос был низким и совсем не бабушкин. Она сидела на стуле прямая как палка и неподвижная, словно каменное изваяние. Ее глаза смотрели куда-то сквозь меня, а рот не двигался.

У меня внутри все сжалось и сердце гулко заухало в груди. Я огляделась в поисках источника звука. Может кто-то спрятался и шутит так? Нет. В доме никого, кроме бабушки. Только овцы спали и во сне тихо взблеивали.

– Кто ты? Покажись! – наконец разлепила пересохшие губы я.

– Ула, ты звала меня! Я отец твой, Виллем. Старуха Эйна отворила мне дверь...

– Папа... – больше я не могла вымолвить ни слова. В носу щипало. Жаркая кипящая капля упала с ресниц. А потом ещё и ещё...

– Ула, ты должна найти его и убить, – пророкотал голос отца, – В трех днях пути на север на вершине горы замок Аваддон, там живет черный рыцарь. Отправляйся туда, дочь моя. Отомсти, – не сказал, но будто отпечатал в мозгах он.

– Папа, но как?! Я не смогу! Что я могу сделать? – мой голос все же дал петуха.

– Я незримо буду с рядом с тобой. Ты сможешь. Ты должна отомстить.

– Как я найду его? Он знатный человек, а я... – горько усмехнулась я.

– Иди через Столетний лес, дальше путник укажет тебе дорогу. Ты можешь сделать больше, чем ты думаешь. Главное, не теряй веру в себя!

«Ты должна убить его», – говорит мне дух отца. «Ты должна убить его», – пронзительные глаза из прошлого смотрят в душу, словно знают про меня все-все. «Ты должна убить его», – раскаленный до бела шепот вонзается в отчаянно бьющееся сердце.

В этот миг огонь в очаге погас и бабушка свалилась на пол мягким неловким кульком.

Глава 4

– Не бросай меня, бабушка, – я трясла за плечи старушку на полу, – Не бросай меня, пожалуйста...

Плечи отяжелели настолько, что их невозможно разогнуть. Я заревела беззвучно и глубоко. Неужели это все? Неужели и бабушка тоже? Я боялась, что останусь совсем

одна белом свете, трясла ее изо всех сил, развернула на спину. Голова у нее запрокинулась и раздался громкий зычный храп. Потом она вздрогнула и открыла глаза.

– Сид тебя побери, бабушка! Это просто чудо какое-то! – я с облегчением растерла слезы и сопли по опухшему лицу, – как можно спать в такую ночь?!

* * *

Путь в замок Аваддон предстоял неблизкий. Собрала только самое необходимое: смену одежды и обуви, вяленое мясо, холодные пироги с чесноком и несколько пресных лепешек в сумку через плечо, немного серебряных в пояском кошеле. Плащ на плечи, шерстяное зеленое платье, ноги в удобные кожаные ботинки. Рыжие волосы заплела в косу длинную, до ягодиц.

* * *

– Фтоб тебе пвовалиться к фомовам! – щербатый паренек от души ругался на молодую кобылку, едва вышедшую из возраста жеребенка.

– А ну пофла! – замахнулся он кнутом. Лошадь только всхрапнула, но с места не двинулась: телега завалилась в грязь, сломанная ось торчала кверху.

– Эй ты! А ну не бей её! Ты что, не видишь: она вывезет?

– Твое какое дело? Иди, куда фла! Знаеф, сколько мне эта скотина убытку пвинефла?

– Ну так продай ее мне! Мне как раз лошадь нужна, – не дожидаясь ответа, я стала выпрягать и гладить несчастную

по мокрой шерсти.

– Ха! Кобыла моводая, сплавная. Тви севебвяных, не меньше!

Я вытряхнула из кошеля три монеты. Это были почти все деньги, осталось лишь немного мелочи. Ничего, как-нибудь продержусь. И не страшно, что кобылка без седла: я и так удержусь.

Вскочила на спину и поскакала вперед, пока не передумала.

Лес, укутанный туманом, по-осеннему голый и грязный, не вызывал желания ехать по нему. Но выбора не было.

Глава 5

К полудню я доехала до границы светлой части леса. Дальше начиналась буреломная чащоба – обиталище диких зверей, лесных духов и всякой дурной нечисти. Громадины деревьев обступили со всех сторон. Двигалась быстро. Надо успеть до заката пройти как можно больше. Я не заметила, как стало темнеть, а солнце скрылось за густыми ветвями и рваными клоками туч. Налетел ветер, засвистел между деревьев протяжно и зло. Деревья вокруг стали темными и похожими друг на друга как тени.

Тело, за много лет отвыкшее от верховой езды, налилось тяжестью, поясницу ломило.

Надо переждать ночь. Нарезала ножом еловых веток – будет мне постель. Привязала к корявому дереву лошадь. Усталость накрыла волной, сбила с ног и я забылась тревожным

сном без сновидений.

Разбудили меня странные звуки. Лошадь хрипела и рыла стылую землю копытами, пытаюсь оторвать повод. Чуть поодаль в лунном свете тускло блеснула сероватый голый череп. Такая же серая, причудливо изрисованная черными буграми кожа, мелкие острые зубы. Высокие и широкие скулы подпирают узкие щели глаз, треугольные от косо нависающих с боков дряблых век.

Упырь! Воткнул в меня свои бледные водянистые глаза и двинул навстречу. Кобыла совсем обезумела от страха, а у меня ноги отнялись и не слушаются.

Бежать? Драться? Нет, с ним не потягаешься – бесполезно. Чудовищная сила и скорость.

Я зажмурила глаза. Резкая вонь ударила в нос. Сглотнула высохшим горлом комок плотной слюны.

Лошадиное ржание перешло в сдавленный предсмертный хрип. Чавкающие, хлюпающие звуки.

Тело ослабело, тестом растеклось по еловым лапам. Если упырь не наелся... Он пробормотал что-то невнятное, глухо звякнула уздечка. Тишина...

Сколько времени прошло прежде, чем я решила открыть глаза – не знаю. В лунном свете белели обглоданные кости. Я смотрела на лошадиную морду с оскаленными зубами и острым, чернильно-синим вывалившимся языком, пока горлу не подкатила тошнота.

Беги, Ула, беги! Высокий бурьян цеплялся за ноги, хватал

за руки, колючие ветки больно хлестали по груди, по лицу. От быстрого бега, нет-нет переходящего на усталый шаг, стало жарко – горячие струйки потекли по спине, животу. Пока я бежала, усталость спряталась куда-то глубоко, притаилась, скрутилась клубком – не то в затылке, не то в позвоночнике.

Когда наконец меж деревьев проступили очертания вересковой пустоши, убегающей вдаль насколько хватало взгляда, и реки, в небе запылал рассвет. Дышать больно.

Я спустилась к речке, умылась, утолила жажду. Вода студеная, кожу щиплет. Теперь можно и передохнуть, а потом снова в путь. Назад ведь уже не воротишься. Да и как прежде уже не будет. Не получится уже жить как прежде. Надо, надо идти вперед.

Села прямо на землю, раскрыла сумку. От резкого густого запаха мяса и чеснока желудок тотчас вздрогнул, требовательно зарычал. Вяленая баранина. Тщательно вымоченная в соли, заботливо высушенная на крыше, впитавшая жаркое солнце и прохладные ветры. Нужно откусывать по чуть-чуть и долго рассасывать, катая гладкий соленый кусочек по нёбу... Рот мгновенно заливает слюна. Вкусно.

После еды сразу накрыла усталость. Руки и ноги – деревянные, голова – пустая. Тело просило одного – покоя. Закутавшись в плащ и подложив под голову сумку, я уснула прямо на земле.

Проснулась, когда светило было уже высоко. Дернулась встать и тут же взвыла – ноги и руки затекли в неудобной

позе, шея не слушалась.

Лишь когда боль сменилась мурашками, а потом легкой щекоткой, я двинулась в путь.

Днем по солнцу легко ориентироваться. На север надо. Холодно. Ветер больно бил в лицо, мешал дышать. Но я упрямо шла и шла, и под размеренные шаги очень легко думалось. Я умру? А если умру, то как скоро? А если умру – то не выполню отцовский наказ? А если не вернусь в деревню, то через день и не вспомнят, что была такая. Кому какое дело, жива или нет... Или все-таки у меня получится? Ох, папа, папа... Зачем повесил мне такую тяжесть на сердце?

За грустными мыслями и не заметила, как на поля упал густо-синий вечер, а я вышла наконец к селению. Совсем небольшое, оно манило приветливыми огоньками в окнах. Я ускорила шаг.

Глава 6

В быстро сгустившейся темноте решила не искать счастья и постучалась в ближайшую жилую избу. Высунувшийся в калитку угрюмый мужик видимо решил со мной не связываться и попытался быстро дверцу запереть. Однако я просунула в щель ногу и, набрав в грудь побольше воздуха, выпалила, поражаясь собственной наглости:

– А что, любезный, гостеприимство нынче не в чести?

– Я и знать тебя не знаю, иди куда шла!

– Я заплачу за ночлег и хлопот много не доставлю, а уйду на рассвете, – имя свое я решила скрыть. Ни к чему это.

– Заплатишь... ну проходи, коли так, – хозяин немного поколебался, затем посторонился, пропуская меня внутрь дома.

Я огляделась: глиняные стены, глиняный пол, соломенный потолок. В центре дома, горячим сердцем, – кривая печурка, местами в кружевах трещинок. По краям – потемневшие от времени, натертые множеством рук и ног до тусклого бурого блеска лежаки. Тепло. И кругом сновали, смеялись, кричали бесчисленные дети.

В чужом доме я устроилась вполне удобно: натаскала сена из овечьего угла, соорудила лежак, накрыла покрывалом из сумки. Там же, в сумке нашлась еще пара пресных лепешек – совесть не позволила просить у хозяев еды. Им бы свои рты прокормить. Гудящие ноги требовали отдыха, в голове слегка шумело и глаза сами собой закрылись.

На рассвете спросила у хозяйки – худой, изможденной нескончаемой работой женщины – дорогу до замка Аваддон. Ее тонкое изящное лицо не выражало ничего, и я уже подумала, что отвечать она не будет, как она сказала, с жалостью посмотрев на меня:

– Уж и не знаю, что тебе там понадобилось. Но гиблое и проклятое это место. Поговаривают, что хозяин его, граф Кайдэн О’Коннелл, давно сошел с ума. Ох, и перекусит он тебя, дурочка, и косточки твои выплюнет. Да... А идти тебе надобно еще миль двадцать на север.

Оставила женщине половину своих последних монеток

и пошла. Ботинки хрумкали по утоптанной тропинке у реки, змеёй вившейся вдоль селения. Сонная деревня зажигала первые огни, выпускала редких заспанных селян на улицу. Лаяли хриплыми спросонья голосами собаки, где-то вдалеке лошадиное ржание звонко рассыпалось меж домов.

Впереди у меня беспощадно длинный день.

Глава 7

Вскоре меня догнала груженная до верху телега. В кузове весело насвистывал парнишка.

– Эй, красавица, куда путь держишь? Садись подвезу! – окликнул он меня, натягивая поводья.

– У меня денег нет, – сегодня я была настроена воинственно.

– Дык я не за деньги. Оброк везу в замок, садись коли по пути. Что ноги попусту бить, довезу как королеву, – расхохотался он.

Мне его шутки совсем не нравились, но путь предстоял неблизкий и я решила рискнуть.

– Ну двигайся, если не шутишь, – закинула я в телегу сумку, забралась сама и неплохо устроилась на мешке с мукой.

– Пшла, лешего за ногу! – парень хлестнул вожжами и нас затрясло по каменистой дороге графства мимо ухоженных полей.

Из бесконечной болтовни парнишки я узнала, что зовут его Тревор и служит он у графа с ранних лет. Рассказал, что земли по эту сторону Столетнего леса принадлежат графу

О'Коннеллу и все селения в округе несут продуктовую повинность. Вот он и везет мешки с мукой, тыквы да корзины со свежими яйцами. Еще я узнала, что граф Кайден, бывает, по неделям не выходит из своих покоев, но требует поставлять ему бутылки с грюйтом из тысячелистника, восковника и багульника.

Ехать оказалось недалеко и уже через пару часов мы остановились возле небольшого каменного замка ранней постройки.

– Тпрууу, родная! – Тревор натянул вожжи, выскочил из телеги и повел лошадку в поводу по гостеприимно опущенному мосту через высохший ров.

Уже в воротах я почувствовала тревогу. Вроде бы ничего необычного: четыре башни, большой внутренний двор, ров и подъемный мост. Но в воздухе что-то висит.

Что?

– Вылезай, приехали, куды надоть тебе, – крикнул мне парень.

Я молча схватила свою сумку, спрыгнула с телеги и подошла к встречавшему нас старику.

– Кого это ты привез, Тревор?

– Меня зовут Ула, – ответила я вместо него, – Я сирота и мне нужна работа. Говорят, у вас не хватает работников.

Старик внимательно осмотрел меня с ног до головы, а я его. Черты лица – изящные, как у юноши; кудрявая седина – яркая, серебряная; и даже морщины – тонкие, умные. Длин-

ная борода закрывает щеки, придает благородства. Он не так уж и стар, как показалось вначале.

Глава 8

– Работа, говоришь, нужна. Девка ты молодая, справная. Обычно молодых сюда не заманишь. Ну пойдем, отведу тебя к Ареле, это она будет решать.

И он, повернувшись ко мне спиной, бодро зашагал к дверям, так, что я едва за ним поспевала. Позади раздался голос Тревора: тот повез по нечищенной дорожке продукты к черному ходу. Я обернулась на него, как на последнюю надежду, но он уже скрылся за углом.

Старик оттянул на себя дверь, и она, визжа, раскрыла черную прямоугольную пасть. Странное предчувствие охватило меня.

* * *

Жизнь в замке оказалась странно спокойной и размеренной. Арела – высокая полная женщина, приняла меня с материнским теплом. Казалось, она даже обрадовалась моему появлению – слуг не хватало, вернее их и осталось всего трое: она да муж ее, старик Тюринн, да Тревор – их сын. Её толстая седая коса спускалась ниже пояса. Глаза смотрели тепло и внимательно, а лицо оставалось неизменно спокойным и величественным. Она выделила мне комнату почему-то в северной башне, а вовсе не в помещении для слуг. Да и проверять никто не будет ведь.

Внутри все поражало запустением. Пыльные коридоры,

нечищенные каминны, кое-где выбиты окна. Арела определила меня на кухню, где я помогала чистить овощи и котлы, таскать воду для мытья посуды. Бедная старая женщина, она еще надеялась, что когда-нибудь граф вернется к нормальной жизни, женится, наймет больше слуг и уж тогда они заживут. Не ведала она, ох не ведала, зачем на самом деле я явилась в замок Аваддон.

Как и говорил Тревор, граф Кайден за эти дни вышел из своих покоев только один раз. Я наблюдала из угла кухни, как этот сутулый мужчина с печальными глазами зачерпнул из ведра студеной воды, долго пил ее, громко и длинно сглатывая большим острым кадыком. Кожа на лице оплыла буграми, как огарок свечи. Во всем – в морщинистых сизых мешках под глазами, в легком подрагивании длинных нервных пальцев, в немного суетливых движениях – читалось: пьяница. Мама всегда говорила: пьяный человек – хуже зверя.

Наконец-то – недолго осталось. Я уже минуты готова считать до того времени, когда смогу отомстить. Вот только как – до сих пор не придумала. По вечерам я поднималась в «свою» комнату, подолгу смотрела на закат сквозь окно в сером бархате и не находила ответа. О, Дагда, дай мне знак!

Наутро я отнесла поднос с тарелкой восхитительного жаркого к покоям Кайдена. Спустилась вниз, надела передник кухарки, а Арела, ошипывающая жирного гуся, задала став-

ший уже привычным вопросом:

– Милорд завтракал?

– Не отворил он. Оставила поднос у дверей, – тяжелой повинностью было для меня носить еду этому чудовищу. Хорошо хоть он ни разу не открыл – видимо, спал, напившись грюйта.

– Арела, почему милорд столько пьет? Он что-то натворил?

– Нагрешил граф по молодости, с тех пор боги и разгневались на него. Слыхано ли – в Самайн дитя зачинать? Самайн – он ведь как... – Арела оставила свое занятие, повернулась ко мне и продолжила: – ...кому – отец, кому – брат, кому – сват. А кому и вовсе – могила.

– Дитя?! У графа есть дети? Расскажи, Арела!

– Давно это было. Зим почитай... – Арела воздела глаза к потолку, загибая пальцы, – осьмнадцать назад. Милорд молод был и горяч. Явились к нам на праздник сплошь графья да лорды, привезли даров множество. Со всех окрестных деревень собрались люди, привели скот, стеклись живой рекой для таинства зажжения огня. Я тогда молодая была, сама видела. Зажигали костры, жарили мясо на вертеле, очищали скот священным дымом.

Пировали уже три дня и три ночи. Горький эль затмил разум лорду О'Салливану. Бахвалился он за накрытым столом, что если не примет богиня Дану его жертву, то отдаст он свою дочь милорду в жены. А дочь-то у него красавица была:

волосы что твое золото, а глаза как вороново крыло. Милорд сразу-то ее полюбил всем сердцем. Да только она уже невестой была. Как услышала отцовы речи – стоит ни жива, ни мертва, руки плетью повисли.

Застучали друиды в свои боураны, взвились синие костры в звездное небо, пришла пора приносить жертву. Велел старик вести жертвенного быка. Закричал пьяным голосом, всадил кинжал быку в сердце. Брызнули горячие капли на сухую траву. Тут молния разрежала небо длинно, налетели лиловые тучи, задышали чернотой. Раскатился гром по небу гулко, низко, а дождя – нет. Полетел в небо горький дым, к бесам с бесенятами. Не приняла богиня жертву. Не окропила дождем иссохшую землю.

Вскричала дева гневно, в бессилье проклиная и отца, и милорда. Да только кто ж ее слушал, скрутили руки веревками, отвели в покои милорда. Страшный грех, ой страшный, – Арела закрыла лицо руками и покачала головой, – Говорят, понесла она в ту ночь. Да только не мил ей был граф Кайден, страдала, плакала. Два месяца томилась взаперти, а потом обманула слуг и сбежала со своим женихом. Вот и поминай как звали.

Семь зим искал милорд ее по эту сторону леса, а на восьмой год собрал отряд бравых рыцарей и отправился чрез чащобу. Видно, бесы в страхе отступили, да только нашел ведь он ее. Нашел!

Глава 9

– Нашел?! И где она? – я замерла – мне казалось, что еще немного – и тяжелый черный полог отодвинется, открыв мне что-то важное.

– Да знамо где... – Арела махнула рукой в сторону большого окна и тяжело вздохнула, – как привез ее милорд, тише воды, ниже травы была. А потом и вовсе сиганула с обрыва.

– А дитя как же? Ты говорила про дитя, – я пыталась словно нащупать что-то в темноте, но оно ускользало так же легко, как рыба в воде.

Арела неопределенно пожала плечами и вернулась к своему гую.

Я подошла к окну. Замок стоял на крутом утесе. Отсюда все – как на ладони. Серый купол неба отражался в широком, дышащем легкой рябью зеркале реки. Вода – темна, густа, ленива. Вдали дыбился бурым левый берег. На его кособоком обрыве торчали костлявые пальцы деревьев. Чуть дальше деревня, там маленькими черными точками копошились люди.

– Арела, как её звали? Ту женщину?

– Ох, не к добру это, ох, не к добру! – дверь вдруг резко, со стуком, распахнулась и в кухню влетел разгоряченный Тревор, не дав Ареле ответить, – Милорд сегодня злой, как чёрт, даром, что трезвый! Велел Буяна оседлать, грит на охоту поеду. А там кажись буря собирается!

– Что раскудахтался, нешто наш милорд в лесу пропадет? – вслед за Тревором в кухню вкатился Тюринн. Арела

засуетилась вокруг, спеша накормить их горячим и начисто забыла про меня.

Известие о предстоящей охоте подхлестнуло меня, как хорошая моченая плетка, и все мысли, все желания подчинило одной страсти: сейчас самое время! Я тенью проскользнула мимо них, прихватила со стола хлебную корку, спрятала в карман передника. Только бы успеть!

Во дворе возле просевшей от времени, густо заросшей мхом и будто сжавшейся, лестницы гнедой тонконогий жеребец нетерпеливо перебирает ногами, ждет. Я трусливо огляделась – никого. Погладила длинную, поросшую жесткими волосами морду, протянула хлеб. Конь косил на меня умным глазом, но зашлепал черными блестящими губами – съел.

Зашла сбоку. В руку тяжело легла холодная металлическая пряжка подпруги. На совесть затянуто. Кое-как высвободила ремень, передвинула дырочки – пальцы вдруг онемели, не слушались.

Неожиданно на плечо мне легла ладонь. Не ладонь даже, а тяжелая железная клешня.

– Ты кто такая?

Я медленно повернула голову. Позади стоял граф Кайден и вперил в меня тяжелый взгляд осоловелых глаз. Впервые он так близко и впервые я отчетливо увидела, какого они цвета: беспросветно-черные.

– Кто ты такая? – повторил он громче, настойчивей.

– Я... – в горле – как песка насыпали, – кухарка я, милорд.

– Если ты кухарка, то почему не на кухне? Кто тебя принял на работу?

– Арела, милорд...

– Арела?! – гневно выкрикнул он, – Я здесь хозяин, а не Арела, и я должен решать, кого пускать в свой дом! Вечером я разберусь с тобой!

Он отпихнул меня от коня, вскочил в седло и умчался, взрывая копытами ворох сухих листьев.

Я судорожно выдохнула: кажется не заметил. Подняла взгляд к небу. Из черной тучи, что закрыла полнеба, полетело вниз что-то мелкое, белое – снег.

К вечеру Буян вернулся один. Седло жалобно болталось у него под брюхом.

– Его нет! Милорд не вернулся! – тараща глаза от ужаса и спотыкаясь, в кухню вбежал Тревор.

Арела и Тюринн переглянулись молча, и не сговариваясь, подскочили.

– Что сидишь, курица? – зло и беспомощно крикнула мне Арела, – одевайся, надо искать графа!

Ночь ясная, вызвездило; луна – фонарем; изо рта – молочно-белый пар. Лес сразу за замком. Деревья громоздились вокруг, мешали; черные тени, лунным светом выкрашенные полосы снега мелькали в глазах. Дальше, дальше. Глубже в лес, глубже.

– Милорд! – закричала Арела в чашу, и большая птица сорвалась с высокой ветки, захлопала крыльями, – Милорд!

Граф Кайден!

Следы Буяновых копыт бледнеют – их замело; на какое-то время они то появляются из-под снега, то исчезают; скоро пропадают вовсе. Куда теперь?

– Милорд!

Тюринн едва ковыляя, с одышкой привалился к дереву.

– Милорд!

Чернильные верхушки елей плясали на синем небосводе, где-то ухало и подвывало.

– Милорд! – Тревор бежал быстро, ногами взметая облачка снега.

Лес молчал.

Но на поляне, щедро освещенной белым лунным светом, с неподвижным лицом, заиндедевшими бровями и ресницами, закрытыми глазами, нелепо вывернув ноги, лежал граф Кайден...

Глава 10

Четыре дня граф Кайден горел в бреду. Все это время Арела сидела на его кровати и держала за пылающую руку. Спала тут же. Тюринн пытался увести ее для отдыха в комнату прислуги – не далась. Он махнул рукой, лишь послал Тревора за врачевателями. Тот привез ведунью, по слухам, якшавшуюся с самой Нарглой. Сгорбленная старуха с растрепанными седыми космами узловатыми пальцами чертила в воздухе какие-то знаки, сквозь прорехи в зубах бормотала заклинания, жгла пучки трав, окуривая комнату и отпаивала

графа пахучими отварами.

На пятый день, когда жаркое тело графа стало внезапно холодеть и исходить щедрым липким потом, а рот – медленно синеть, старуха сказала, что смерть не сожмет его сердце в ледяной кулак, не запретит биться. Во всяком случае, не сейчас. Арела сразу вся как-то обмякла и наконец покинула покои милорда.

Никто из присутствующих не понял, что падение графа с лошади – моих рук дело. Только Тревор сокрушался пуще других и корил себя, думая, что плохо оседлал Буяна.

К вечеру я понесла милорду его первый ужин за эти дни. Как больному, ему полагался куриный бульон с гренками и яйцом, свежий хлеб и отвар боровника, что оставила ведунья, – ядреное средство, поднимающее мертвых с постели.

На деревянных ногах поднялась я в его покои. Там на широкой кровати он и лежал – бледный и с закрытыми глазами. Поставила поднос рядом с кроватью и поспешно отошла к зашторенному окну. Невидяще смотрела на снег, покрывшийся черными пятнами проталин.

Что ж, надо признать, что у меня не получилось. Или все-таки получилось? Граф Кайден не отправился к праотцам, как мне того хотелось вначале. Но наказан ли он? Определенно. Ведунья уходя сказала, что ноги больше не служат ему. Он никогда не встанет с постели и проведет остаток дней, разглядывая паутину под потолком своей спальни.

Мысли расплзались как рваное покрывало, совершенно

нельзя было сосредоточиться ни на чем. Надо ли мне большего возмездия? Нет. Нет в сердце привычной холодной злости, нет ярости, нет отчаяния. Пусто.

– Подойди ко мне, девчонка, – слабым, но твердым голо- сом сказал милорд.

Я от неожиданности вздрогнула, потом собралась. Руки почти не дрожали, когда я подала графу его бульон. Он при- ложился к чашке и жадно и долго глотал. Провел ладонью по тощей груди, словно провожая льющуюся жидкость – от горла по глотке вниз, через грудь, к животу. Громко и па- хуче вздохнул, кивнул мне:

– Ведь это сделала ты? Ты? Молчишь... – сердце мое пре- вратилось в какой-то вязкий кисель, как треснувшее сырое яйцо, стекло по ребрам куда-то вниз, к похолодевшему жи- воту. Он все понял. Конец мне теперь, – я знаю. Я знаю да- же, почему.

Замолчал, отвернувшись.

– Я не знаю, сможешь ли ты когда-нибудь меня про- стить... – произнес он, глядя внезапно покрасневшими гла- зами куда-то мимо, – ... ты так похожа на нее. Где ты была все это время?

Сказанное доходило до меня меня медленно, толчками. Я оглушенно хватала воздух ртом, не в силах произнести ни слова, а граф продолжал:

– Семь долгих лет я искал тебя и твою мать Диву. Не знал, что она родила девочку; когда наконец нашел, она сказала

мне, что ребенок не выжил. Но я же вижу... вижу в тебе свою кровь... как же жестока судьба...

– Ты чудовище! – наконец я произнесла слова, обжигавшие мне губы.

– Я любил ее! Я дал ей все! Богатство, уважение... все! А она сбежала с этим ублюдком Виллемом!

– Когда любят – отпускают! – крикнула я в слепой ярости. Я не смогла удержать боль внутри, и боль выплеснулась, затопила все вокруг – полумрак неуютной комнаты, малахит берегов и холмов, утес, на котором стоит замок в белой пене облаков. Подхватила юбки и побежала прочь – больно, ветер гнет голые верхушки деревьев – больно, блестит в закатных лучах река, что унесла мою маму, – больно. Смотреть на это – больно. Даже дышать – больно. Закрыть бы глаза, не видеть ничего, не чувствовать, но...

Вдруг, посреди двора, прямо напротив меня четкий образ – женщина высокая, статная. Платье бьется по ветру. Рыжие волосы растрепаны, как тогда, а глаза, что черный омут. Мама!

Глава 11

Слезы подступили к горлу, веревкой свили глотку – заплакала, уткнувшись в грудь мамы, долго и сладко. Слезы лились так щедро и стремительно, что кажется – не из глаз, а откуда-то со дна сердца, подгоняемые его частым и упругим биением. Минуты, а может, часы спустя, выплавав все не выплаканное за годы, я успокоилась.

– Скажи, мама, что мне делать теперь? – я не открывала глаз, не отпускала рук, боялась потерять.

– Прости его, доченька... Он получил свое сполна. Спасение не в смерти, а в прощении. Знай, девочка моя: лесть, злость, месть – для бесов честь! Отпусти его. Живи жизнь до капельки, помогай слабым, привечай бедных, делай добро. Отдавая, не проси взамен. Счастлива будь, доченька!

Я отстранилась, чтобы заглянуть маме в глаза. А нет их – глаз. Вместо лица – древесная узловатая кора, вместо рук раскидистые ветви разрезали небо. Старый морщинистый дуб в моих объятиях. А мамы нет, будто и не было.

Вздохнула судорожно, уняла дыхание. Разлилось по телу долгожданное усталое облегчение. Плита, лежавшая на моих плечах, наконец треснула, раскрошилась и сгнула прочь.

Утерла слезы, пошла обратно.

Граф Кайден по-прежнему лежал в постели. Глаза его были закрыты и под ними пролегли глубокие тени, черты лица заострились. Я видела – не спит. Сверлила взглядом носки ботинок, не зная, как начать разговор.

– Ула, подойди, – тихо сказал он.

Я присела на краешек кровати, спрятала в ладони лицо.

– Завтра я поеду домой, – выдавила из себя наконец. Слова давались мне с трудом, застревали в горле.

– Останься. Я не хочу терять тебя, не сейчас, когда я только обрел тебя... – я подняла глаза на графа – уж не повредился ли он головой? – а тот продолжал:

– Я не протяну долго. А ты леди по праву рождения. Получишь титул графини, этот замок, сокровища и все окрестные земли. Тебя ждет блестящее будущее. Останься! Пожалуйста...

Глава 12

Вот он лежит передо мной: худой, нескладный, виноватый. Я отвернулась: не было сил смотреть в эти глаза.

– Нет. Я здесь чужая. Не будет мне здесь добра и счастья. Мой дом там, где я выросла.

Граф попытался обнять меня, но я выставила вперед руки, вырвалась, резко встала.

– Я пойду. Простите, милорд, – называть его отцом не поворачивался язык.

– Ула, не торопись. Подумай еще... прошу... И если тебе что-то надо, можешь смело брать.

Я обернулась. На глаза снова навернулись слезы и я плохо видела. Комната расплывалась, очертания предметовплыли и плясали подобно пламени.

– Лошадь... Можно? – горечь все же прорвалась наружу, как ни пыталась я ее удержать.

– Все, что хочешь. Возьми Буяна, он умен и быстроног.

Я кивнула и молча вышла.

Ночь провела без сна, будто лежала не на мягком матрасе, набитом конским волосом, а на раскаленных углях. Как только первый луч солнца скользнул по лицу, спустилась в кладовую: головка козьего сыра, ломоть начинающего

черствесть хлеба и холодный картофельный пирог пригодятся мне в дороге.

Прощание со слугами вышло скомканным и недолгим. Хвала Дагде, они ничего не узнали ни о том, кто стоит за несчастным случаем в лесу, ни о том, что меня связывает с графом. Только Тюринн подмигнул, пряча ухмылку в завитке круглого белого уса:

– Говорил же, что молодые здесь не задерживаются!

А Арела порывисто обняла меня, и у меня что-то дрогнуло в душе. Давно никто не выказывал мне такой искренней привязанности.

Отвязала приготовленного Тревором коня, вскочила в седло – Буян тотчас подхватил меня, понес, устремился вперед. Бьет в лицо холодный сырой ветер. Замок уменьшается, удаляется, пока вовсе не скроется за горизонтом.

Быстроногий конь домчал меня до опушки леса к вечеру первого дня. Вдали нестерпимо ярким, раскаленным цветом горел закат. Или это огонь? Я снова увидела, как огонь пожирал нашу деревню. Мой отец и братья стояли связанные. Только мать, ползая на коленях, пыталась удержать человека с мечом.

Остановить. Но меч просвистел и от одного его движения рубахи моих братьев окрасились кровью.

Другие воины убили отца. Затем чьи-то руки подхватили мать, посадили на лошадь и увезли.

Но мне больше не хочется кричать. Это было много зим

назад, и теперь я чувствую, что заполнившая мир боль не ушла, но дала мне вдохнуть.

Глава 13

В мертвом безмолвии лес казался живым существом. Деревья тянули ко мне свои цепкие руки-ветки и корни, завязанные узлами; мягкая земля вздыхала и глушила стук копыт, под которыми обманчиво мнется хвоя, то и дело топорщась острыми камнями шишек. Пасмурный свет чахлого дня сменился густыми сумерками, когда я, оставив позади сначала чащобу, затем светлый лес, увидела теплые огоньки родной деревни.

Где-то басовито лаяли собаки, слышно было скрип дверей, звякнувшую кольцом калитку, бабьи разговоры да раскатистый мужской смех. Что-то тихо ёкнуло под сердцем. Дом. Наконец-то я дома.

У крайней лачуги хозяйка не спала; стояла, опираясь на сучковатую палку, старуха. Эйна. Видно, ждала меня. Дрогнули, расширились бесцветные глаза старой ведьмы, изменил ей голос. Только и прошептала она, прижимая меня к своей дряблой груди:

– Вернулась. Вернулась девонька.

– Права ты была, Эйна. Немало я слез пролила, да надеюсь, не зря.

– Дело говоришь, девонька. Не зря. Давеча сон мне был вещий. Успокоилась душа Виллема, не будет больше бродить неприкаянной, забудет дорогу в мир живых. Не зря твои сле-

зы пролились, дочка. Ну! Иди уже! Бабка твоя заждалась, места себе не находит. Иди!

Я еще раз порывисто обняла Эйну и зашагала к дому.

За поворотом у колодца в темноте виднелась большая мужская фигура. Фыркнул Буян, обернулся человек. Олан! Ведро свои выронил, в два прыжка очутился рядом. Искривился рот, вырвалось мычание. Боролся Олан с упрямыми губами и, наконец, вернулись к нему слова:

– Ула... ты... вернулась...

Где-то далеко, в синей мгле, возле самой речки, жалобно воскликнула сойка, и нечеловеческая тишина окутала деревню. Я молча смотрела в эти глаза и никак не могла насмотреться. Горячая волна захлестнула сердце... Олан.

Эпилог

Много воды утекло, еще один Самайн прошел. Ушла к праотцам бабушка Брит. Но мне не одиноко – в прошлый Лугнас обручились мы с Оланом. Хороший он муж, заботливый.

Заголубело небо, задули теплые ветра, ослабила хватку зима. На залитой солнцем пашне я ступала вслед за Оланом, бросая семена в теплую благодарную землю. Шли медленно – тяжелый живот мешал.

– Смотри-ка, к нам гости! – распрявил мой муж могучие плечи.

И правда, на широкой меже остановился экипаж, запряженный двойкой холеных лошадей. Из него вышел незнако-

мый богато одетый человек и запрыгал к нам как кузнечик, боясь испачкать сапоги, что так нестерпимо и нелепо сияли среди весенней грязи.

Я разглядывала бледное лицо в тонких росчерках морщин, усталые глаза под крутыми дугами бровей, силясь понять, что ему нужно.

– Здравствуйте, хозяин, – человек стянул с головы слегка помятую шляпу, низко и с достоинством кивнул Олану, – Ула О’Коннелл здесь живет? Не ваша ли это благоверная?

– Фоули. Моя фамилия Фоули, – ответила я вместо Олана. Речь, хоть и вернулась к нему, но слова ему еще с трудом покорялись. А Олан безмолвно разглядывал прибывших гостей.

– Ох ты-ы-ы... – человек разочарованно затряс бородой, кладя руку на сумку, прижимая ее к себе, – Два дня добирюсь. Улу О’Коннелл найти мне надо. Знаете, может, такую?

– Знаю. Граф Кайден О’Коннелл – мой отец. Но теперь я замужем и ношу другую фамилию.

– Ну так сразу бы так и сказали! – сразу же расплылся в улыбке мужчина, радостно и облегченно вздохнул, сунул руку в сумку и протянул мне свиток, скрепленный сургучной печатью.

Я молча сглотнула, обтерла испачканные руки о передник и протянула разом вспотевшую ладонь. Гербовая бумага горела в руках, жгла пальцы...

– Ваша милость, это завещание. Я Лукас О’Брайен, на-

местник графа Кайдена О'Коннелла. Ушел нынче ваш ба-
тюшка. Перед смертью заклинал во что бы то ни стало найти
вас и передать права наследования и титул как единствен-
ной единокровной наследнице. Вам следует как можно ско-
рее явиться в родовой замок и закрепить права над вашими
вассалами...

Анастасия Ворончихина

@fairy_petelka

ИСЧЕЗНУВШИЕ ИЗ ТВАМГРЭНИ

Пролог

#

Неприятный мелкий дождь брызгал по лобовому стеклу. Дворники-стрелки, скрипя, перемещались вправо-влево. Свернув за ограду, увешанную плющом, и проехав ещё метров двести, небольшой школьный автобус остановился у старинного замка, обшарпанные стены которого скрывали былое величие.

– Вот мы, наконец, и в окрестностях Энниса недалеко от скал Мохер! – быстро затараторила миссис О'Фаррелл. – Начнём наше путешествие с замка Твамгрэни. Ребята, нам несказанно повезло, и дождь нам как раз на руку. Именно в такую погоду, по преданиям, в этом замке происходят самые таинственные вещи. Обещаю, вам понравится, – миссис О'Фаррелл говорила воодушевлённо и загадочно. Глаза блестели от восторга, а широкая улыбка открывала ряд белоснежных ровных зубов.

– Ребята, прошу аккуратней выходите из автобуса. Всё-таки дождь немного расквасил дорогу и достаточно скользко. И подходите к центральному входу замка. Вот там, где стоит

указатель, – миссис О'Фаррелл пыталась обратить внимание подростков на серую табличку с витиеватой надписью. – О, кстати, там, похоже, нас и мистер Нейл уже ждёт, – радостно продолжала учительница. – Видите тёмный силуэт под зонтом. Сейчас он всё вам подробно расскажет. Обещаю, вас впечатлит экскурсия. Замок Твамгрэни – он такой старинный и загадочный.

Миссис О'Фаррелл щебетала, словно птичка. Громко, звонко разлеталась её речь. Прервать бесконечный поток слов было невозможно, и учительницу уже практически никто не слушал. Всю дорогу, которую автобус проехал из небольшого Лисмора до Энниса, миссис О'Фаррелл, желая увлечь класс, рассказывала бесконечные истории и успела порядком надоесть даже самым терпеливым.

Часть детей стала не спеша покидать салон автобуса. Джарлат толкал локтем неповоротливого Бартла.

– Давай, малыш, твоя туша задерживает коллектив! И смотри не дрёпнись, когда толстенная ножища ступит в грязь, а то бедная миссис О'Фаррелл не вынесет этого. У неё пупок развяжется, если придётся тебя поднимать, – подначивал Джарлат тучного одноклассника. Тот, тяжело дыша, боком протискивался между дверями. Злая издёвка и дружный гогот сопровождали его выход из автобуса.

Миссис О'Фаррелл суетилась внутри салона. Она проверяла, не забыли ли её пятнадцатилетние подопечные рюкзаки.

– Нолан, Ита, вы ещё здесь? Вы задерживаете класс! – учительница с укоризной посмотрела на юношу и девушку, которые неспешно поднялись с заднего сидения. Нолан взгромоздил на плечо два рюкзака – свой и Иты – и учтиво протянул девушке руку при выходе из автобуса.

– Наконец-то, и наша парочка соизволила снизойти до нас, простых смертных, – прокричал Джарлат. – Пошли, ребята, а то, того и гляди, дождь закончится, а мы так и не узнаем, какие тайны и секреты хранит этот Твамгрэни, – подражая манере, с которой говорила миссис О'Фаррелл, произнёс молодой человек. – Да и тот старый пень под зонтом совсем вымок, дожидаясь нас.

Глава 1

Группа из четырнадцати подростков направилась в сторону замка. Её возглавлял Джарлат, высокий, достаточно привлекательный юноша. Левая часть его головы была тщательно выбрита. Волосы с правой стороны уложены, залакированы. В носу висело небольшое кольцо, в ушах – беспроводные наушники. Одет он был обычно: тонкая непромокаемая куртка с серыми разводами поверх бесформенной толстовки и удобные джинсы. Середину группы составляли весёлые любопытные ребята, которые были не прочь узнать что-то интересное и загадочное. В конце плелись Ита, Нолан и Бартл. Влюблённым было всё равно где они и зачем, лишь бы рядом, а толстяк Бартл не поспевал за сверстниками, одолеваемый одышкой.

– Добро пожаловать, господа, – принялся рассказывать мистер Нейл едва подростки подошли ко входу в замок. – Мы начинаем наше путешествие в Твамгрэни. Этот небольшой замок был построен семейством О'Грейди в XIV веке для защиты церкви, находящейся поблизости. Здание из камня имеет высоту около пятнадцати метров. Сооружение представляет собой довольно простой четырёхугольный дом-башню с машикулями и углублённой дверью. Выше неё располагаются несколько узких окон-бойниц. Обратите внимание: снаружи замок остался внушительным строением с толстыми стенами. Но сейчас мы войдём внутрь. Сначала вам покажется, что там всё разрушилось и ничего не сохранилось. На самом деле, внутри замка есть тайные ходы. Сколько их, не знает ни один историк или экскурсовод. Все, кто решается их посчитать, исчезают.

– Тьфу ты! Ну и бредятина! – прервал Джарлат экскурсовода, разочарованно вздохнув. – А причём тут дождь? Вы и миссис О'Фаррелл обещали тайну, связанную с ним, а в итоге, обыкновенную тягомотину рассказываете.

Класс поддержал слова Джарлата ободряющим улюлюканьем. Мистер Нейл улыбнулся и произнёс:

– Сейчас, когда мы войдём внутрь, вы услышите стон. Он разносится по башне именно в непогоду. Это вместе с дождём плачет по одному из своих умерших мужей ведьма Бидди Эрли.

Миссис О'Фаррелл внезапно прервала речь экскурсовода.

– Простите, мистер Нейл, что перебиваю. Ребята, вы не видели Нолана и Иту? – учительница взволнованно оглядывалась, ища глазами исчезнувших подростков.

Глава 2

Класс окидывал взглядом окрестности. Влюблённых, и правда, нигде не было видно.

– Ха, наши голубки, уединились, – ехидно произнёс Джарлат. – Что им какие-то экскурсии и плачущие ведьмы, когда можно потискать друг друга, пока предки не видят?

Кто-то в знак одобрения и согласия с Джарлатом поднял большой палец. Каждый в классе знал, что родители Нолана и Иты были против их отношений.

Экспрессивная и яркая Ита хоть и происходила из простой семьи – её мать работала в рыбной лавке, а отец занимался промыслом лососевых и кумжи, – всегда была в центре внимания. Лёгкий нрав и задорный смех покоряли сердца всех вокруг. Ей симпатизировал задиристый Джарлат. Только в силу возраста он тушевал перед красавицей и от этого злился. Нолан и вовсе был слеплен из другого теста. Его родители были учёными. Девочки интересовали Нолана меньше, чем книги и музыка.

Так бы и прошли школьные годы двух подростков параллельно друг другу, если бы полтора года назад Джарлат не пригласил класс на день рождения. Нолан пришёл туда с гитарой и, подначиваемый мальчишками, заиграл лёгкую и популярную «Galway girl». Едва запев «Baby, I just want

to dance», к нему подседа Ита и стала мурлыкать знакомую мелодию вместе с ним. Именно в тот день Нолан заметил, насколько красивы зелёные глаза Иты и как пламенно огненны её рыжие волосы, а девушка разглядела за скромностью юноши в очках с тонкой оправой галантность и начитанность.¹

– Ита! Нолан! – звала миссис О'Фаррелл, обегая башню вокруг. Она остановилась, когда увидела молодых людей, которые, подняв головы, внимательно всматривались в окно-бойницу.

Учительница побежала к ним. Она громко кричала от возмущения:

– Ребята, что за безответственность? Ушли, не сказав ни слова. Я за вас головой отвечаю, поэтому впредь...

Миссис О'Фаррелл не договорила и устремила свой взгляд туда, куда смотрели подростки. В окне она увидела женщину, седую голову которой покрывал шерстяной платок. Незнакомка подзывала их пальцем.

– Так это не вымысел и она существует.

Эти слова прозвучали тихо. Миссис О'Фаррелл, пытаясь скрыть испуг, потянула детей за собой.

– Пошли, нас ребята ждут!

– Миссис О'Фаррелл, Вы тоже её видели? Что это за женщина?

¹ «Galway girl» – песня британского певца Эда Ширана, вышедшая в качестве третьего сингла с третьего студийного альбома (2017) Альбом на конец 2017 года стал главным бестселлером в Великобритании с тиражом 2 128 000 копий ÷ ÷

Глава 3

Ребята из класса уже были внутри замка, когда к ним присоединились миссис О'Фаррелл, Ита и Нолан. Из задумчивости, в которой они пребывали, увидев силуэт старушки, их вывел громкий смех одноклассников.

– Что у вас там? – спросила учительница.

– Миссис О'Фаррелл, малыш Бартл всё-таки не удержался на ногах и шлёпнулся, едва перешагнув порог Твамгрэни. Наверное, испугался плача ведьмы, – под общий смех сообщил Джарлат.

– И ничего я не испугался, – голосом обиженного ребёнка протяжно протянул Бартл. – Меня словно толкнул кто-то.

– Ага, именно эта ведьма, которая стонет тут по умершему мужу. Как там её звали, не напомните, мистер Нейл? Элли? Бэрли?

– Бидди Эрли, молодой человек.

– Точно, – согласился Джарлат.

Падать и попадать в неловкие ситуации было Бартлу не в первой. Лишний вес делал его косолапым и неповоротливым. Одноклассники называли Бартла тюфяком за медлительность и неловкость. У него всё валилось из рук, не ладилось. Бартл очень переживал. Он хотел быть таким же крутым и находчивым, как Джарлат. В нём, так же как в Нолане, билось благородное сердце рыцаря. Но приятели не замечали ничего, кроме некрасивой толстой оболочки. Бартл страдал и ненавидел себя за неподходящую для рыцаря внеш-

ность и нерасторопность в мышлении.

Нолан помогал Бартлу подняться. Тот, тяжело дыша, никак не мог встать на ноги – избыточный вес и свисающий живот мешали. Едва облокотившись на левую руку, Бартл попробовал опереться на колено, но тут же рухнул и прокрутился вокруг на спине, скрестив ноги.

– Ух, ты, наш Бартл нижний брейк показывает, – Джарлат довольно присвистнул, наблюдая за пируэтом молодого человека. Вокруг подростки начали пританцовывать, имитируя верхний кач и отбивая ритм характерными для этого звуками «yo» и «yeah».

Хип-хоп действо продолжалось пару минут.

– Ребята, кто-нибудь догадался заснять это на мобильник? Залили бы сейчас тут же на YouTube и сделали бы из малыша Бартла суперзвезду.

– Джарлат, ты что? Не заметил, что тут связи вообще никакой нет. Ведьма, похоже, шалит.

– Эх, жаль. Такой шанс упустили, – Джарлат был раздосадован.

Глава 4

Непогода на улице разыгралась не на шутку. Сильный ветер ударял снаружи по стенам Твамгрэни, а дождь из мелкой измороси превратился в шквальный ливень, который лил стеной. Скалы Мохер, ещё недавно отлично просматриваемые при подъезде к замку, затерялись в глухом тумане. Земля уходила всё дальше в неудобную темень. Конец ноября да-

вал о себе знать.

Внутри Твамгрэни обстановка тоже была удручающей и тяжёлой. Лампы, одиноко висящие по углам, светили тускло. Ветер свистел в щели полуразрушенного помещения. Да ещё и ведьмин стон нагнетал ужаса.

Подростки инстинктивно кучнее собрались вокруг экскурсовода и попросили мистера Нейла погромче рассказывать о замке, чтобы заглушить неприятные звуки вокруг. Неожиданно один из учеников, который ближе всех находился ко входу, произнёс:

– Тут кто-то в дверь скребётся.

Все вздрогнули. Ита прижалась к Нолану. Джарлат попятился назад. Миссис О'Фаррелл непроизвольно вскрикнула, когда дверь со скрипом начала медленно отворяться.

У входа стояла чёрная собака. Капли дождя потоками стекали с её шерсти. С лап свисали куски тягучей грязи. Собака низко опустила морду и жалобно скулила. Немного придя в себя и присмотревшись, Джарлат увидел, что её хвост сжимал капкан. Сначала задними лапами, а затем и мордой, собака пыталась выволить себя из тисков, но ей это не удавалось. Джарлат подбежал к псу, на ходу стащил с себя намотанный на шею шарф, обвил им морду собаки, чтобы не цапнула:

– Парни, помогайте! – крикнул он.

К Джарлату подбежала пара подростков:

– Держи её крепче, Джарлат. Там на капкане две педальки

должны быть. У меня отец охотник. Показывал как-то.

Один из подоспевших парней аккуратно обследовал края ловушки и нащупал два рычага. Нажав их, пружины натужно поддались и дуги разъединились.

– Есть! – прокричали довольные мальчики.

Собака, едва освободившись от тисков, рванула вглубь замка и растворилась в его темноте.

– Куда она делась-то? – опешили подростки.

– Наверное, из-за пережитого стресса спрятаться от нас решила. Сейчас оклемается и вернётся, – предположил Джарлат.

#

Глава 5

Класс немного выдохнул, когда собака исчезла. А ещё, привыкнув, ребята всё меньше внимания обращали на посторонний шум, издаваемый ведьмой. Кто-то осматривал торчащие из стен балки, кто-то изучал лица незнакомцев на старинных картинах, кто-то проверял прочность замков на малочисленных дверях Твамгрэни.

Мистер Нейл фоном продолжал экскурсию, делая акцент на таинственную обитательницу:

– Замок, как вы видите, заброшенный. Мы бы его и во-все потеряли, как не имеющий исторической ценности, если бы не стоны, плач и другие странности. А дело было так. В конце XIX века здесь велись раскопки. Рабочих не покидало ощущение, что в замке кто-то присутствует. Историки,

обычные люди, живущие по соседству, – все пришли к единому мнению, что в Твамгрэни ведёт потустороннюю жизнь ведьма Бидди Эрли.

– Почему именно она? – заинтересовался один из под-ростков.

– Её хижина как раз находилась недалеко от Твамгрэни у скал Мохер. Как рассказывали местные жители, она частенько захаживала сюда, знала каждый уголок в замке. Однажды она была здесь со своим мужем. С ним случился приступ. Он прямо тут и скончался. Бидди очень горевала и скучала, а потом заявила всем, что дух супруга навсегда остался здесь, и она поселится в Твамгрэни, чтобы не разлучаться с мужем.

– А почему же она ведьма? – слышался ещё один вопрос.

– Бидди Эрли считалась знатной знахаркой. Мать с самого детства научила её готовить снадобья и лекарства. В 1815 году, когда Бидди было шестнадцать, она осталась сиротой. Потеря матери так потрясла её, что у неё случилось помутнение рассудка, и девочка начала разговаривать с волшебным миром фейри. Советовалась с феями, общалась с эльфами, прислушивалась к сидам. Спустя время она занялась целительством и убедила всех, что её силы исходят из таинственной голубой бутылки, полученной от умершего родственника из «другого мира». Её слава белой ведьмы, как часто называют врачевателей, разошлась широко, так что всё

больше и больше народу приходило к ней за помощью: сначала соседи, за ними жители ближайших приходов и, наконец, люди со всей западной Ирландии. Однако задолго до того, как известность Бидди разнеслась столь широко, началась война между ней и церковью. Местный приходской священник с возмущением выслушивал рассказы о её могуществе. Бидди стала для него источником серьёзного беспокойства. Знахарку сначала обвинили в колдовстве, но потом неожиданно оправдали. Поговаривали, что она вылечила самого епископа. Это подтверждается тем, что на её похоронах присутствовали не только те, кого она излечила от недугов, но и двадцать семь священников.²

– А что за синяя бутылка? Что в ней?

– Неизвестно, – ответил мистер Нейл. – Возможно, зелье или ещё что-нибудь. Никто так и не нашёл склянку после смерти ведьмы. По слухам, феэри унесли бутылку.

Пока экскурсовод продолжал свой рассказ, Джарлат подошёл к Нолану и Ите, которые стояли у холодной каменной стены в плохо освещённом углу замка.

– Надоел мне этот неподтверждённый бред. Включил аудиозапись со стоном какой-то тётки, и впаривает нам заведомую чушь, словно мы дебилы, – бурчал недовольный Джарлат.

– Ты что, не веришь в существование ведьмы? – спроси-

² Феэри – в кельтской мифологии общее название сверхъестественных существ (феи, эльфы, сиды, Динни Ши и др.)

ла Ита.

– Только не говори, что ты веришь, – недоумевал Джарлат. – Ита, ты же благоразумная. – А ты, Нолан, – обратился он уже к молодому человеку. – Начитанней тебя у нас во всей школе нет. Ты же понимаешь, что нас откровенно дурят.

Джарлат посмотрел на Нолана, потом на Иту. Они молчали.

– Я не понял, вы принимаете эти рассказы для малолеток? Ребят, вы чего?

Ита и Нолан переглянулись. Девушка, закусив кончик нижней губы, глазами спрашивала юношу: «Рассказать?». Тот снял очки и, протирая стёкла, молчал размышляя. Рассказать Джарлату о том, что с улицы они видели в окне старушку в платке, было страшно. Вдруг засмеёт. А, может, и им всего лишь показалось.

В этот самый момент, когда Нолан и Ита решались на откровенный разговор с Джарлатом, тусклая лампа заморгала, ведьмин стон прекратился, а стена, к которой прислонились ребята, потеплела, словно нагрелась от неизвестного отопительного прибора. Друзья в испуге отпрыгнули. Все трое зачаровано смотрели, как на стене то тут, то там стали вырисовываться рисунки, которые мелкой мозаикой, будто в калейдоскопе, сменялись один за другим. Чаще остальных появлялись растения: молочай, папоротник, клевер, жирянка, другие непонятные травы.

Ребята попробовали позвать на помощь, но от страха оне-

мели, а если и кричали, то бесшумно – их никто не слышал.

#

Глава 6

Джарлат почувствовал толчок, который неведомой силой вырвал его из безмолвного плена. Юноша рванул в центр зала, туда, где толпились остальные. Никто ничего подозрительного не заметил и продолжал громко дискутировать с мистером Нейлом о тайнах живущей в замке ведьмы. Некоторые шутили и смеялись. Джарлат боялся обернуться, а уж рассказать об увиденных странностях и вовсе не хватило духа. Он попробовал успокоиться и даже бросил парочку хлёстких и язвительных комментариев в толпу, пытаясь вернуть себе самообладание.

Влюблённые остались в оцепенении у стены. Внутри неё послышались звуки. Сначала грохот, будто передвигали тяжеленные сундуки и веками не тронутые деревянные скамьи. Затем застучали открывающиеся дверки шкафов. Следом раздался треск разлетевшихся осколков. Потом бульканье, к которому добавилось непонятное «тя кышн мохл рхлак оджун мохер». Наконец, всё завершилось отчётливой, громко брошенной фразой старческого скрипучего голоса:

– Разбилась! Это проклятье! Она разбилась!

Ита начала терять контроль над собой. Тревога и необъяснимое беспокойство сковали её грудь. Сердце застучало частой дробью. В глазах на мгновение потемнело. Показалось, что мозг взорвётся от нахлынувших мыслей. Ита да-

же голову обхватила руками, боясь, что та рассыпется на кусочки. Постепенно ворох мыслей угомонился, оставив одну единственную, которая ритмично отбивала словно молоточком где-то внутри и не оставляла в покое, превращаясь в навязчивую: «Нужно помочь. Там что-то случилось».

Ита бросилась простукивать костяшками пальцев каждый миллиметр стены. Неосознанно девушка стремилась проникнуть внутрь. Её бросало то в жар, то в холод. Волшебная стена тянула её с небывалой силой. Картинки на ней продолжали мелькать. Когда появилось изображение с клевером, Ита неожиданно для себя дотронулась до него кончиками пальцев. Их обдало жаром. Показалось даже, что ногти слегка опалились от невидимого, но осязаемого пламени. Ита вскрикнула от боли, а потом растворилась.

– Куда? Подожди! – Нолан не успел опомниться, как Ита исчезла за стеной, на которой только что мелькали картинки с растениями.

#

Глава 7

Нолан запаниковал. Он вплотную подошёл к стене, у которой только что стояла Ита, и прикоснулся к тому месту, где секундой ранее девушка дотрагивалась до рисунков. Стена обожгла холодом. Ни намёка на тепло и волшебство. Нолан приложил ухо к каменной кладке в надежде услышать хоть что-то. Стена отозвалась гнетущей тишиной.

– Ита! – Нолан истошно закричал куда-то внутрь. Его го-

лос заставил вздрогнуть всех вокруг.

– Что случилось? – несколько подростков подбежали к приятелю. Миссис О'Фаррелл дёрнулась было с места, но вдруг жуткие предчувствия и безотчётные страхи сковали её. Она испуганно озиралась.

– Стена... Ита была здесь. А потом... Шум, треск... Картинки... Она вот тут держала... Потом... Ита... Она растворилась, – Нолан говорил сбивчиво. Кто-то ошарашенно слушал его и пытался вникнуть, о чём речь. Парочка одноклассников начали звать Иту и бить в стену. Были и те, кто принялся дёргать за неподдающиеся рядом двери.

– Нолан, брат, успокойся. Вернётся сейчас твоя зазноба. Может, носик захотела припудрить? – слова Джарлата резали.

– Ты же был рядом и видел, – начал было Нолан, но осёкся, едва его взгляд встретился с напускным безразличием в глазах Джарлата.

– Бывает, Нолан. Показалось. Из-за таких душещипательных историй про колдовство да старушечьи стоны из скрытых динамиков у каждого может крыша съехать.

Кто-то одобрительно хмыкнул, приняв слова Джарлата за истину. Некоторые, словно взвешивая услышанное, колебались, не зная, кому из мальчишек поверить. Пара-тройка ребят отошла в сторону Джарлата. Другие стояли в замешательстве. Испуганный Нолан не находил себе место. Он продолжал изучать глухую стену, как вдруг его руки коснулся

Бартл. Толстяк очень тихо произнёс:

– Нужно найти тайные ходы. Мистер Нейл говорил, что их здесь полно.

Вдвоём они отошли от той части одноклассников, которые в поисках Иты тщетно тянули за тугие двери. Нолан прошмыгнул к выходу из замка и решил искать лазейку снаружи, а Бартл, пройдя вдоль стены, где прежде стояла девушка, обнаружил очень узкий тёмный коридор, которого, казалось, ещё пару минут на этом месте не было. Едва он сделал несколько шагов, послышался вой собаки. Бартл вздрогнул, наступил на что-то мягкое и провалился.

Глава 8

– Уснули? – Королева Мэб подошла к Бидди Эрли, которая склонилась над Итой и Бартлом.³

– Юноша спит. А вот с девушкой сложнее. Характер сильный, не поддаётся.

– Давай живее. Ты сегодня нерасторопна. Напусти побольше голубого смрада. Мне нужна душа этой спящей девушки. Поторапливайся. Скоро завьюжит, – Королева Мэб злилась не на шутку.

– Что вы делаете? Их нельзя использовать в Бейлихвейне по прямому назначению? Они же не насильственной смертью умерли? Да и вообще не умерли, просто спят, – Бидди пыталась помешать Высшей Волшебнице забрать Иту

³ Королева Мэб – королева всех фей. Мифологический персонаж: фея, волшебница, королева Грёз, мечтаний и снов.

и Бартла с собой. ⁴

Королева Мэб зло посмотрела на Бидди:

– Как ты смеешь мне перечить, простая знахарка? Прокляну! В Царство Вечных Грёз отправлю! Другой вариант предлагаешь? Ты в этом году не справилась. Подростки не сошли с ума от твоих стонов. Не стали пугать себя пуще прежнего. Теряешь ты свою ведьминскую силу. А у нас времени нет – первый снег уже близко. И феири хотят пировать. Сам Илуватар будет сегодня во главе празднества. ⁵

Бидди Эрли вздохнула и засуетилась. Праздник, действительно, на носу. В этом году Королева Мэб прилетела на своей колеснице очень заблаговременно. Феири одни за другими появлялись в Твамгрэни. Эльфы порхали то тут, то там. Бидди нужно было срочно усыпить Иту и Бартла. А тут так некстати её неуклюжесть. Голубая жидкость из разбитой невзначай бутылки растеклась по полу. Пришлось собирать эмульсию по каплям. Времени варить новое зелье, колдовать, настаивая взвар, совершенно не было. Бидди выкручивалась, как могла. Бартл, вдохнув пар из бутылки, быстро провалился в сон. А вот Ита оказалась крепким орешком. Ей требовалась бóльшая доза, которой у Бидди не было. Ведьма схватила сухой букет из лимонной мяты, кошачьей травы, жгун-корня и камилы и, произнеся непонятное заклинание: «Джумун сафулис громанга бейлих», провела сухоцве-

⁴ Бейлихвейн – праздник духов. Начинается с первым снегом.

⁵ Илуватар – Всевышний или Отец Всего. Был верховным Божеством.

том по засыпающему телу Иты. Магия помогла, и рыжеволосая красавица провалилась в сладкий плен грёз. Бидди об­легчён­но вздохнула.

Королева Мэб обрадованно подлетела к Ите, погладила её по голове, заряжаясь энергией от копны пламенного цвета, набросила ей на плечи накидку оттенка яркого изумруда и осторожно отделила душу девушки от спящего тела. То же самое она проделала с Бартлом для Илуватара, который следом за Королевой Мэб тяжёлой поступью появился в зале для празднования. При виде него все умолкли, склонив головы. Илуватар был очень недоволен тем, что ему, отцу Все­го, досталось такое неприглядное, слегка обрюзгшее тело.

– Почему вдруг этот парень? Что за подмена? – негодовал он.

– Не ругайся, Илуватар. Промашка вышла в этом году – Бидди ошиблась. «Джувлетта» легко попала в сети, а место «Ромео» занял этот пухлячок, – Королева Мэб пыталась успокоить Илуватара. – Зато он так же молод и характером мягок и добродушен.

«Ладно, главное – средство переселения», – ободрял себя он. Ему очень хотелось праздника.

Взяв спящие души Иты и Баргла, Королева Мэб и Илуватар направили запряжённую волшебную колесницу к утёсам Мохер. Пока в Твамгрэни собирался зелёный народец, Мэб и Илуватар наблюдали на вершине скал за ночным небом. В тумане на головокружительной высоте стояла одинокая лу-

на, и вокруг неё переливался желтоватый круг. От этого света Илуватар зажёл факел и развёл костёр. Горячие искры поднимались высоко вверх, растапливали жаром тёмные тучи – предвестники первой в этом году снежной бури. Только закружит снег, грянет Бейлихвейн – праздник духов.

Туча начала постепенно таять. Снег закружился в белом вальсе и мелкой крупой сыпанул на землю. Увидев это, Королева Мэб озарилась улыбкой. В этот момент она была прекраснее, чем рассвет, и могущественнее любого времени года. Она скользнула по лунному лучу, станцевала в отблесках звёздной пыли, собрала свежий новый снег, а затем принесла в жертву спящие души Иты и Бартла, оставив их у костра на скале Мохер. Илуватар подождал Королеву Мэб в колеснице.

– Ты сегодня грациозна, как никогда, – улыбнулся он. Королева Мэб была польщена, услышав это от отца Всего.

– Начинаем Бейлихвейн! – громко произнёс Илуватар.

Слова эхом отозвались в зале для празднования, который тут же преобразился. Цветочные феи, до этого украшавшие помещение бутонами фиалок, терновника, колокольчика, изящно расселись на полу. Эльфы приглашали друидов за накрытые столы, которые ломились от яств. Каша из земляных червей и мёда, похлёбка на змеином бульоне с пиявками, бражная настойка с перцем, высушенные мышинные хвостики на закуску, пироги с первым снегом – всё самое вкусное и изысканное. Чуть дальше встали ведьмы чёрной

и белой силы. Они поочерёдно читали заклинания, славя Бейлихвейн и первый снег.

В зрительный зал поодаль от праздничного действия усадили человеческие души. Среди них были те, кто умерли много сотен лет назад, но никак не попадали в Царство Мёртвых. Были и те, которые забрели случайно, из любопытства, потерявшись между жизнью и смертью. Бидди Эрли украдкой высматривала приглашённых зрителей, не было ли знакомых и близких.

Музыка зазвучала. Все Айнур одновременно запели. Голоса зазвучали напевно, протяжно. Их песнь была величественна, грандиозна, красива. Илуватар, не вставая из-за стола и прикрыв от удовольствия глаза, слегка дирижировал.⁶

Затем раздались звуки волынки. Они позвали валлийских фейри в пляс. По привычке, волшебные существа подошли к зрительным рядам смертных и выхватили первую четвёрку, увлекая их в хоровод. Танец начинался медленным раскачиванием тела, рук, головы. Движения неторопливо вторили мелодии. Постепенно звуки волынки разгорячёно зашпишили. Танцующие тоже ускорялись. Движения становились импульсивными, резкими. Фейри танцевали так пылко, что ноги людей не выдерживали, подкашивались. Тела в изнеможении падали. Приходила очередь следующих. Фейри искренне радовались, участвуя в празднике. Легко порхали

⁶ Айнур – высшие существа, первые порождения Илуватара. Любители песен и музыки.

в танце, откликались на звуки песен. Да и трапеза в этом году удалась на славу. Как только первые звёзды начали затухать на тёмном небе, Илуватар поднял грузное тело. Засобирался.

– Я пойду. И вы расходитесь. Славный праздник, но работать тоже нужно.

Феи лёгким шёпотом вторили Илуватару. Сиды застучали посудой. Эльфы подталкивали до смерти уставших танцовщиков из зрительного зала, которые еле волочили ноги и странно смеялись. Ведьмы, собравшись в круг, сплетничали. Новые волшебные силы появились в каждом присутствующем – на весь следующий год хватит.

Скоро холодное солнце проснётся, поднимаясь над скалами Мохер. Бейлихвейн подходил к концу.

Глава 9

Ведьма Бидди плакала, закрыв старческое лицо сухими костлявыми руками.

– Чего рыдаешь, Эрли? – спросила её Королева Мэб, поправляя бусы в волосах и укладывая одну за другой складки на тяжёлом платье. – Ты справилась с ролью распорядительницы праздника. На следующий год снова к тебе приедем.

#– Ты мне обещала, что в этом году я, наконец, встречу с духом мужа.

#– Пока не получается, Эрли. Тебя отравили, а он умер сам. Духи Больного Сердца не отпускают его на Бейлихвейн. Жди следующего года. Может, что-то изменится. В руководствующих Высших силах, например.

#– Тебе нельзя доверять, Королева Мэб! Ни в чём. Ты лгунья. Это тебя надо менять в руководстве, изворотливая плутовка.

#– Успокойся, Бидди! Иначе напущу гнев Илуватара. А он мне не откажет, – кричала Королева Мэб.

#– Не пугай! Тебе бы самой бояться надо. Ладно мой муж. Но ты пошла наперекор правилам, – нападала ведьма. – Что ты сделала с девочкой и мальчиком? Ведь непросто отправила в Царство Грёз? – Бидди вплотную подошла к Королеве, тыча кривым костлявым пальцем ей в грудь.

#– Да как ты смеешь так разговаривать со мной, старая травница? – Королева Мэб одёрнула руку Бидди, но не договорила. Почувствовав на себе взгляд, она обернулась.

#– Кто это? – завизжала она истошно, выставив вперёд длинный указательный палец в кольцах. Волшебные существа, все, кто ещё остался на празднике, обернулись туда, куда глядела Королева Мэб.

#В нескольких метрах от них через неприкрытые ставни на фейри и эльфов смотрели полные ужаса глаза Нолана. Юноша, выбежав на улицу в поисках потаённого хода, наткнулся на неприметный лаз на уровне земли. Сжавшись так, что, казалось, кости сложились друг на друга, он прополз пару метров, а потом увидел крохотное окошко. Нолан обомлел, заглянув в него. Он наблюдал за происходящим и оторваться больше уже не смог.

#Сиды, заметив юношу, вскочили со своих мест. Каждо-

му известно, шпионить за феями нельзя – это карается смертью. Сиды издали пронзительный звук, словно одновременно кричала стая перелётных птиц, а потом схватили стрелы с пропитанными ядом наконечниками и направили на Нолана. Тут же появились кони. Они встали на дыбы, а глаза пыхнули огнём.

#Ведьмы в ужасе встрепенились, собравшись в плотный круг. Феи разлетелись подальше от источников света. Королева Мэб закричала так, что стены содрогнулись да деревянная посуда со столов на пол посыпалась. В тот же миг трое сидов выросли в размере и встали перед Королевой исполинами.

– Схватить его да влить облепихового яда! Пусть забудет он навечно, кто такой и что здесь видел.

#Самый высокий сид неистово сжал ладонь Нолана и одним махом втянул его через узкий лаз в зал для празднования. Подросток даже сообразить не успел, как пролез через такую щель, в которую мышка-то с трудом протиснется, слышал только, как кости по всему телу затрещали. Два других сида подхватили его под руки и сковали ноги железными оковами. На шею ему нанесли эльфийскую метку елууи.⁷

#– Отпустите его. Он просто девочку искал, – вступилась было за Нолана Бидди.

#– Не имеет значения, как он здесь появился. Ни одна человеческая душа не имеет права знать наши тайны. Подавай

⁷ Эльфийская метка «Елууи» – отречение и конец всего

яд, да пошустрее, – приказала Королева Мэб. – Иначе и тебе несдобровать за то, что ставни незакрытыми оставила, раззява.

#Бидди Эрли не смела ослушаться – слишком много она сегодня перечила Королеве, того и гляди та проклянет да зашлёт в Царство Вечных Грёз. Она торопливо перелила в склянку жёлто-охристую жидкость и принесла Мэб.

#– Ты совсем страх потеряла? Неужто ты думаешь, я сама буду руки марать, убивая человеческое существо?

#Бидди покорно опустила голову и направилась в сторону Нолана. Ещё ни разу не приходилось ей убивать. Лечить лечила, а вот калечить. Дрожащими руками она поднесла бутылку к губам подростка. Тот, не задумываясь, выбил стекляшку рукой. Хотел было бежать, но тут же почувствовал удар. Очки слетели с переносицы, упали на каменный пол. Только Нолан хотел дотянуться до них, как сид раздавил оправу каблуком сапога. Вдавил очки в пол с такой силой, что, послышался кряхтящий звук разбившихся стёкол. Нолан приподнялся на полусогнутых ногах, но тут же отлетел назад, получив удар между глаз. Он взвыл, закрыв окровавленное лицо руками, и больше не сопротивлялся.

#

Глава 10

#

– Вот и конец, – шурша юбками, Королева Мэб подошла к обездвиженному телу Нолана. Он едва дышал. – Вы, фе-

ечки и эльфы, разлетайтесь по домам. Вы, колдуньи, ворожей и вещуньи, уходите каждая в свой астрал. Ну, а я покончу с мальчиком, пока он в беспамятстве. Сиды, запрягайте лошадей! До рассвета нужно успеть отвести эту душу к тем двум, – Королева Мэб раздавала последние поручения.

Волшебники растворялись один за другим. И только Бидди Эрли беспokoйно оглядывала свои владения.

– А как же быть с телами подростков? – спросила она.

– Мне они не интересны. Души – вот, где сосредотачивается вся энергия. Телесное – только оболочка. Делай с ними, что хочешь, – безразлично бросила Королева.

Тихо было на вершине скалы Мохер. Костёр, зажжённый Илуватаром, дотлевал. Одинокие звёзды одна за другой тухли. Темно было, как обычно бывает перед самым рассветом. Снежное одеяло укрыло две непорочные души златовласой красавицы Иты и скромного неповоротливого юноши Бартла. Вдруг снежный вихрь обрушился сверху, сбоку, снизу, развернул, закрутил и ударил о скалу. Из него вынырнули наездники. Лошади прядали ушами, с жаром фыркали огнём, били копытами так неистово, что из-под них вылетали камни и с грохотом срывались вниз. Из-за быстрого бега мыло покрыло пятнами их передние ноги и лоснящуюся грудь. Королева Мэб лихо спрыгнула с коня.

– Покиньте меня. Я завершу обряд в одиночестве, – заявила она, развязывая вышитый кисет на поясе и извлекая оттуда новую душу.

Королева Мэб трепетала от восторга. Давно уже не было такого, чтобы в её владении были сразу три невинные человеческие души, которые так далеки от своих тел. Они попали к ней неожиданно, и тем приятнее было торжество.

Королева Мэб чувствовала власть над ними. Их беспомощность и чистота придавали ей всё большее могущество. Она провела тыльной стороной ладони по щеке Иты, пригладила растрёпанные волосы Бартла, соединила их руки.

– Не прикасайся к ним, – в ярости закричал Нолан. Его непокорная душа вскочила и встала напротив волшебницы Грёз. Глаза горели. По эльфийской метке на шее, как по электрическим проводам ток, бежал длинный хвост искры.

– Ах, ты, несносный мальчишка. Ничто тебя пронять не может. Но ты зря тратишь силы. Метка елуу тебя уже приговорила к концу.

– Вы не справитесь с нами. Сейчас настанет утро, и Вы исчезнете вместе с первыми лучами солнца. А мы будем свободны.

Громкий смех разлетелся протяжным эхом над скалами Мохер. Так что несколько лавин понеслись с шумом вниз, оставляя за собой широкий снежный шлейф.

– Ошибаешься, юноша, я не просто фея. Я – Королева Мэб и властвую над временем. Я могу растянуть пространство. Вы ничего не сможете, ведь вы не умерщвлены. Вы бестелесные субстанции. Вы стали грёзами, далеко уле-

тевшими от тел. Вам не дано вернуться, если моя воля того не пожелает. Я могу растворить вас в Волшебном Царстве Грёз. Или смешать вас с этим первым снегом. А знаешь, возьму-ка я твою девчонку и заставлю её любить вот этого пухляка. Смотри, с каким трепетом они держаться за руки. А вот сейчас, глянь-ка, она его поцелует.

Только Королева Мэб произнесла эти слова, как Ита неосознанно, не открывая глаз, потянулась в сторону Бартла в поиске его губ. Тот дёрнулся по направлению к ней. Нолан занервничал.

– Пожалуйста, не надо, – жалобно, по-детски стал просить Нолан.

– Страшно? – злорадствовала Королева Мэб. – А сейчас станет ещё страшнее. Ты – непокорная грёза и я могу... – На этих словах она из изысканной леди превратилась в королеву-воина. Затем вынула из ножен кинжал, мгновенно появившийся неведома откуда. Его лезвие серебряным блеском сверкнуло в темноте. Прорезав кинжалом воздух, Королева Мэб быстрым движением направила оружие в сторону Нолана и нанизала душу подростка на остриё.

– Что сейчас скажешь? – волшебница подняла кинжал высоко над головой и надменно смотрела на свою жертву, громко смеясь.

Её голос разбудил Иту и Бартла. Они огляделись с испугом по сторонам, не понимая, что происходит, хотели вскочить, чтобы помочь Нолану, но вместо этого вспорхнули над

головой Королевы, словно птицы.

– Что за наваждение? Что с нами? Где мы? – Ита кричала от страха, а Бартл словно воды в рот набрал, в ужасе наблюдая за происходящим.

– Ну вот ты и друзей своих приговорил, правдоискатель, – Королева Мэб начала злиться не на шутку. – От вас одни неприятности. Надоели мне.

Холодные от ярости глаза Королевы были полны ненависти. Одним движением она сгребла троицу в руку, поднесла к губам и, развернувшись в сторону ветра, дунула, что есть силы.

Глава 11

Струя холодного воздуха подхватила Иту, Нолана и Бартла и понесла дальше от скал. Вслед им смеялась Королева Мэб.

– Прощайте, непокорные людишки! Это была ваша фатальная ошибка – лезть туда, где вас не ждут, – она махала им рукой и посылала воздушные поцелуи.

Бартл зажмурил глаза. Ита визжала. Нолан пытался нагнать подругу и ухватиться за неё. Страшно было всего несколько секунд, пока Бартл вдруг не сказал:

– А мы ведь не падаем. Мы летим. Что, чёрт возьми, происходит?

– Мы души. Или грёзы. Нас Королева Мэб так называла, – ответил Нолан удивительно спокойно.

– Как это? А где наши тела?

– В Твамгрэни остались, – послышалось в ответ.

– Так мы умерли? – в ужасе закричала Ита.

– Похоже.

– Я не хочу. Как нам вернуться? Я домой хочу! Я жить хочу! Ма-ма! – Ита захлёбывалась слезами и дрожала.

Вокруг летали бесконечные белые облака, сквозь которые пронизывались первые багряные лучи солнца. Посмотришь на них – и хочется зажмуриться. А внизу – лоскутное одеяло из разноцветных кусочков, рассечённое серебристыми змейками незамёрзших рек, да зеркала озёр. Нолан остановил пролетающее мимо облако, усадил на него девушку, укутав её поплотнее в изумрудную накидку, подаренную Королевой. У него ныло то место, которое Мэб пронзила кинжалом, а метку на шее жгло огнём. Бартл подлетел ближе к Нолану. Он огляделся по сторонам. Вокруг всё было слишком необычно: облака подталкивали друг друга, солнце лениво скользило по небесной глади, а их души парили над землёй.

– Тут красиво. Но что будем делать? – Бартл заглядывал в глаза Нолану, пытаясь найти в них ответ.

– Я честно не знаю, дружище. Мы попали в какое-то другое измерение, вызвали гнев потусторонних существ. Я понятия не имею, что нам делать, – чувствуя обречённость, произнёс Нолан. – Чёрт, как же больно! – Нолан, скорчившись, сжимал рукой шею, впиваясь пальцами в контур метки. Огненный жар от шеи тут же переместился в ладонь. Разжав кулак, Нолан увидел, что елуи пылала в его руке.

– Это ещё что за фигня? – недоумевал Бартл.

– Мне её там, в Твамгрэни, наклеямили, когда я вас спасти пытался. Отвалилась, похоже.

– Выкинь её.

Нолан мешкал:

– А вдруг с нами что-нибудь случится?

– Вышвырни её, – настаивал Бартл. – Хуже, чем сейчас уже некуда.

Нолан тряхнул ладонью, метка просочилась сквозь пальцы и, петляя длинным огненным хвостом, метнулась вниз.

#

Глава 12

«Кэжда мюра шород сплюц, апрец валег сип доренша». Ветхий талмуд с заклинаниями был открыт на неизвестной странице. Бидди Эрли беспрестанно повторяла незнакомые слова, боясь ошибиться хоть в одной букве. Она заметно нервничала. Одновременно ведьма пестом растирала ядовитые мухоморы и толчёные мышинные хвостики. Солнечные лучи начинали лениво пробиваться сквозь приоткрытые ставни. Тела подростков то и дело вздрагивали и беспокойно ворочались. Бидди спешила. Ещё ни разу она не проводила магический ритуал по возвращению душ в спящие тела, но злость на Королеву Мэб превзошла её страхи, и она решила пойти наперекор Высшим волшебным силам. дочитав в тринадцатый раз заклинание, она тщательно перемешала смесь и высыпала её в чистый холщёвый мешочек.

Бидди спрятала его в карман фартука и выбежала на улицу. Не моргая, она смотрела на небо, дожидаясь знака.

«Главное, успеть. Главное, чтобы тела не проснулись», – внутренне молилась Бидди. Время как будто остановилось. Наконец, наверху на секунду показался огненный всполох, и тут же исчез. «Они там!» – обрадовалась Бидди. «Адра, за мной», – скомандовала она чёрному псу, тому самому, которого из капкана спасли подростки, и села в колесницу, оставленную Королевой Мэб. Волшебная повозка метнулась ввысь и мгновенно домчала ведьму до пика скал Мохер.

– Явилась всё-таки, – Королева Мэб смотрела вдаль, не оборачиваясь. – Зачем тебе всё это надо?

– Я хочу их спасти. Они не виноваты, что попали в наш мир.

– Они нарушили наш уклад и стали свидетелями наших тайн.

– Я могу сделать так, что они не вспомнят об этом.

– Нет, Бидди. Тебе их жалко, но нельзя идти на поводу эмоций. Иначе наше место займёт тот, кто сильнее и могущественнее.

– Королева Мэб, не будь кровожадной. Я знаю, где они, Нолан выбросил елуи. Ты меня не остановишь. Я им помогу, – настаивала колдунья.

Королева Мэб обернулась. Глаза сверкали гневом.

– Мне бы тебя тотчас превратить в статую и не тратить время на разговоры, – закричала она. – Хорошо, предлагаю

делку, – сказала она, слегка успокоившись. – Ты не будешь помогать детям. Взамен я позову одного гостя.

С этими словами Королева Мэб собрала комочек из снежной пыли и бросила его на ближайшее облако. Тут же на нём появился мужской силуэт. Это был муж Бидди Эрли.

Глава 13

– Пэдди! – лицо колдуньи озарилось счастьем, она дёрнулась в сторону супруга, но осеклась, оборачиваясь на Королеву Мэб.

– Иди к нему, ты же так ждала этого.

Бидди сделала шаг, другой, третий.

– Ты сделала свой выбор: теперь дети только мои! – услышала она вслед. Тело обдало жаром, сердце застучало в ушах. Ведьма остановилась. Бидди подняла дрожащую руку, хотела помахать мужу, но открытая ладонь застыла в районе лица, а потом и вовсе сжалась в кулак. По щекам текли слёзы. Пэдди, не дождавшись, исчез так же внезапно, как появился. Бидди трясло.

– Глупая ты! Променять мужа ради троих выскочек.

Бидди закрыла глаза, закусил губу и будто очнулась:

– Ради живых, а не мёртвых.

Колдунья подошла к колеснице и сильным и уверенным голосом позвала: «Адра, ко мне». Тут же из повозки выскочил чёрный пёс и, рыча, двинулся на Королеву. Если бы собака была белого окраса, волшебница бы не чувствовала себя в опасности. Но все эльфы смертельно боятся животных

чёрного цвета. При виде пса Мэб вскрикнула от испуга, задрожала, скукожилась и упала на землю маленьким камушком агата. Бидди наклонилась за ним. Минерал был теплый. Его полосы пульсировали волшебной жизнью.

– Спасибо за помощь, Адра, – Бидди потрепала собаку за ухом, положила агат в карман фартука, задержавшись рукой на мешочке с колдовским порошком. – Нужно спешить.

Колдунья направила колесницу в сторону, откуда видела метку елууи. Там, на облаке, державшись за руки, сидели три детские души. Они обессилили, превратились в равнодушные комочки. Бидди подъехала поближе, раскрыла мешочек и высыпала его содержимое на ладонь. «Првала укана тиру ог» произнесла она и только хотела сдуть толчённые песчинки на детей, как Нолан взлетел из последних сил и схватил её за руку.

– Не трогайте нас! – закричал он.

– Нолан, успокойся. Бидди нам хочет помочь! – запротестовала Ита.

– Неправда. Она нас уничтожит! Она хотела меня отравить!

Бартл стремительно подлетел сзади. Не дав опомниться Нолану, он со всей силы схватил его, чтобы тот не мог двигаться, а потом с надеждой посмотрел на колдунью. Та глазами поблагодарила Бартла за помощь. Не переставая произносить заклинание, Бидди сдула волшебный порошок на детей и попросила их сесть в колесницу. В Твамгрэни ей пред-

стояло соединить души с телами подростков. Она очень переживала.

Вернувшись в Твамгрэни, Бидди начала колдовать. Чертила порошком из тысячелистника, орчанки и древесного алоэ защитный круг, прикладывала листья полыни, наносила капли тягучей мази из конопли, ангелики, бадьяна и мирры, шептала заклинания. Тела подростков трясло в судорогах. Души смотрели заворожено, а иногда перешёптывались между собой. Бидди зыркнула на Нолана, Бартла и Иту. «Отвлекают», – пронеслось у неё в голове. Она хлопнула три раза в ладоши – души утихли, поманила их рукой – они безропотно подлетели. Затем Бидди пальцем указала на тела. Склонив головы, души присели рядом. Каждая у своего подопечного. Бидди дала выпить горькую настойку. Отхлебнув по глотку, в глазах у каждой души помутнело, в комнате всё закружилось. Души провалились в небытие, а над телами встало облако из пепла.

* * *

Бидди погладила шёлковые волосы Иты, потрепала за щёку Бартла. От прикосновений подростки проснулись. Только Нолан ещё спал. Его окровавленное лицо, руки в ссадинах, шрамы по всему телу ужаснули Иту.

– Помогите ему, – взмолилась девушка.

– Конечно, детонька. Я же знахарка. Сейчас вылечим. Бартл, подай-ка мне вон ту склянку с настойкой из подорожника.

Подростки напряжённо наблюдали за действиями ведьмы. Она что-то приговаривала, смазывая больные места. Нолан не просыпался, но стонал. Рубцы и кровоподтёки исчезали на глазах, как по волшебству. Чуть позже ведьма смешала обычное растительное масло с водой, настоянной на розах и ноготках. Оно тотчас потеряло свой золотистый цвет, превратившись в белую массу. Затем Бидди взяла пузырёк, в котором бережно хранились почки штокроз, ноготков, орешника и чабреца и трава, собранная на склонах холмов, где любили гулять эльфы, налила в него маслянистую смесь. Перемешала, добавила лучики солнца, бережно хранящиеся в отдельном деревянном туесе, а затем аккуратно помазала веки Нолана.

– Что Вы делаете? – юноша проснулся, как только почувствовал густую холодную смесь на глазах.

– Не переживай. Сейчас всё пройдёт. Не зря же я ведьма. А это чудодейственное средство, помогающее зорко видеть. Теперь тебе и очки будут не нужны.

Ита и Бартл переглядывались, едва веря тому, что происходит.

– Ну вот и всё. Подойдите ко мне. «Бейлих скорохтум вседо выцум шокотур небескун», – произнесла она, размахивая руками перед подростками.

Приятели следили за движениями ведьмы. В головах немного помутнело. Громкий лай собаки вывел их из полусна. Друзья оглянулись на Адру и исчезли из комнаты Бидди.

Эпилог

#

– Что там? – Джарлат подошёл к группе подростков. На стене, где недавно Ита прикасалась к рисункам, стали появляться изображения. Молочай, жирянка, папоротник попеременно сменяли друг друга. Как только появилась картинка клевера, на стене образовались всполохи. Молодежь отпрыгнула, инстинктивно закрыла руками глаза, защищаясь от яркого света, а когда открыла их вновь, не было и намёка на чудеса. Перед подростками стояла обычная стена – серая, холодная, обшарпанная.

– Оба-на! Объявились! – из всеобщего оцепенения первым вышел Джарлат. Напротив он увидел Иту, Нолана и Бартла. Рядом с ними стояла Адра. – Нагулялась, святая троица? Да ещё и чёрного пса откопали. Где пропадали, рассказывайте? Миссис О'Фаррелл измоталась вас искать. Да и мы всю округу оббежали. Вы куда делись-то? – сыпал он вопросами.

Ребята обступили Бартла, Нолана и Иту плотным кольцом. Каждый хотел что-то спросить. Пробираясь через толпу, миссис О'Фаррелл расталкивала детей. На лице испуг смешался с радостью. Она хотела накричать на внезапно появившихся подростков, но, пристально взглянув в их глаза, замялась и не промолвила ни слова. Они явно до конца не понимали, что происходит вокруг. Осматривались по сторонам, будто в первый раз видели Твамгрэни, молчали. К то-

му же, что-то изменилось в их выражении лиц.

– Вы в порядке, ребята? – только и осмелилась проговорить миссис О'Фаррелл. – Вы кого-то видели? – осторожно спросила она. Учительница прекрасно помнила старушку в шерстяном платке, показавшуюся в окне башни.

– Вроде нет, – ответила Ита, и миссис О'Фаррелл облегчённо вздохнула. – А тут интересно, – добавила девушка, подняв голову и рассматривая свод Твамгрэни. Нолан и Бартл тоже проявляли неподдельный интерес..

– Вот те здрасьте! – хмыкнул Джарлат. – Мы тут без малого три часа, и не просто какие-то исторические сводки про замок, но и всякие вздохи и стоны слушаем. Вроде даже волюнка звучала, кто-то танцевал, а, может, и дрался. Они где-то проторчали и всё пропустили. А теперь им интересно. И ведут себя, как ни в чём не бывало, – возмущению Джарлата не было предела.

– Нолан, а где твои очки? И откуда эта татуировка? Она у тебя разве раньше была? – миссис О'Фаррелл прервала Джарлата, обеспокоенно рассматривая на шее у Нолана едва заметный след от метки елуу.

Джарлат прищурился, разглядывая приятеля.

– Точняк, ты когда успел татуху наколотить? – он вытянул палец, чтобы потрогать метку. – Вот блин, она горячая. Мистика какая-то.

Нолан прикоснулся к шее, но одёрнул ладонь, обжёгшись. К юноше подошла Ита. Она посмотрела на клеймо, затем

на Нолана.

– Поищем очки? – забеспокоилась она, попытавшись отвлечь его от метки.

– Не надо. Я почему-то прекрасно вижу, – задумчиво ответил Нолан. – Миссис О'Фаррелл, а мы когда поедем?

– А и правда, миссис О'Фаррелл? Поехали отсюда. Мистер Нейл вроде уже всё нам рассказал. Никакой движухи больше нет. Чего тут задерживаться?

– Хорошо, ребята, собирайтесь! Дождь уже почти закончился.

Четырнадцать подростков похватали рюкзаки, плотно застегнули молнии на куртках.

– Мистер Нейл, спасибо за интересную экскурсию, – поблагодарила миссис О'Фаррелл.

Экскурсовод ответил молчаливым кивком головы.

#

* * *

Бидди украдкой наблюдала в окно, как школьный автобус вывернул со двора и скрылся за оградой с плющом. Её пальцы нащупали в кармане фартука камень агата. От него исходил жар, и он переливался всеми оттенками красного, словно ярость Королевы Мэб пыталась вырваться наружу, но не находила в себе силы.

Неслышно к ведьме сзади подошёл мужчина. Он приобнял её за плечи.

– Добилась-таки своего – уничтожила Мэб, – иронично

произнёс он, поглядывая на камень. Бидди спрятала агат обратно.

– Устала? – прошептал он на ухо.

– Очень, Илуватар, – ответила Бидди, не оборачиваясь.

Она хотела ещё что-то сказать, но её прервал звук стационарного телефона из соседней комнаты.

– Мистер Нейл, смотритель замка Твамгрэни. Чем могу Вам помочь? – произнёс мужчина хорошо заученную фразу, поднеся телефонную трубку к уху.

Колдунья закрыла глаза руками и обречённо вздохнула.

– Илуватар, когда же ты наиграешься? – её вопрос повис в воздухе. Мистер Нейл склонился над письменным столом, записывая в ежедневник дату приезда новой экскурсионной группы.

Наталья Герасимова

@gerasimovapro

ИРЛАНДСКИЕ КРУЖЕВА

Пролог

В одной прекрасной зелёной стране, где на изумрудных лугах пасутся белые кудрявые овечки, а в лазурно-голубом небе тают такие же белые кудрявые облака, жила маленькая девочка.

Её звали Элайна.

Элайна любила играть в прятки с другими детьми; смотреть, как стригут овец по осени и перебирать руками колючую шерсть; печь с мамой имбирные печенья на Рождество и украшать ёлку. Но больше всего Элайне нравилось тёмными долгими зимними вечерами сидеть у камина, подглядывать за ловким мельканием спиц или крючка в бабушкиных морщинистых руках и слушать её сказки.

Бабушка Ингрид знала множество забавных, грустных или мистических историй. Так много, что их хватало на все зимние посиделки и ещё оставалось в запасе.

Вот и сейчас за окном густыми хлопьями валит снег, а в небольшой комнате уютно потрескивает камин. Элайна сидит, затаив дыхание, бабушка начинает плести новое удивительное кружево загадочной истории.

– Память людская так быстротечна. Многое забывается, многое тает в веках Но кто-то всё помнит.

Давным давно, когда на нашей земле было всего три озёра, две горы и одна равнина, здесь жил народ Дану, матери всех богов. Был у них король Финбарр Справедливоголовый. Однажды он влюбился в простую девушку не знатного рода, Эгнесс. Но королю не пристало жениться на простолюдинке, боги не благословят такой союз, земли станут бесплодными и наступит великий голод. От горя Финбарр покончил с собой, бросившись на острый меч. Его похоронили со всеми почестями, как подобает королю, а в руки вложили его собственное сердце. Так и лежит он в подземельях фамильного замка, сжимая свою неупокоенную душу.

Богиня Дану, видя такую любовь, забрала Финбарра в Тир На Ног, яблоневого сад и подарила ему удивительное кольцо – две переплетённых руки держат сердце. Левая рука это сама Дану, мать всех богов и фей, правая самый добрый бог Дагда, а сердце – весь ирландский народ, любимец богов. Так завещала Дану.

С тех далёких времён, раз в год, на праздник окончания лета, все подданные Дану и Дагды, феи, духи, сиды выходят из своих убежищ, чтобы побыть среди людей, узнать, что случилось за прошедший год, одарить за праведность или наказать за грехи. А самое главное, они ищут настоящую любовь.

Сам король Финбарр на одну ночь переселяется в тело

спящего человека и дарит своё сердце одному из влюблённых. Пара, у которой появляется волшебное кольцо, никогда не расстанется и всегда будет счастлива.

Элайна уже крепко спала, а снилось ей бескрайнее синее море и песчаный утёс. Волны бились о высокие скалистые утёсы, с гулом набегали на земную твердь, рассыпались на мириады капелек, которые снова поглощало море.

Элайна почувствовала острую боль в груди, приложила руки и увидела кровь. Багровая жидкость по капле скрывалась в зыбучем песке.

Глава 1

Ирландия, 17 век

Для жителей маленькой рыбацкой деревушки Ладдаг море было всем.

Рыбный промысел давал пищу и доход.

Море связывало крестьян с внешним миром. Когда в соседней деревне Карнах собиралась ярмарка, к причалу приставали много торговых судов. Купцы привозили не только товары, но и новости со всех концов света.

Тех, кто не уважал море, оно забирало к себе.

Джим О'Коннор не любил море, и даже побаивался этой опасной стихии. Но в маленькой деревушке не было иного способа заработать на жизнь.

Да и пастор Грегор никогда не отдал бы дочь за нищего босняка. Джим любил Кейлин и окладывал каждый пенни на будущую свадьбу.

Вот только Джима не покидало предчувствие, что он живёт не своей жизнью, ему уготована другая судьба.

Но пока в его жизни были море, церковь и паб по вечерам. Завсегдатаи паба поднимали кружки с тёмным элем. Хмельной напиток уже ударил в голову, потому голоса мужчин становились громче и резче.

– Опять на границе объявились эти безбожники англичане, – горячился пастор Грегор, – Неслыханная дерзость отобрать все земли у добропорядочных католиков ирландцев!

– Кстати, про англичан, – вступил молодой рыбак Брайан, – Я слышал, что в соседнем Голуэе стоит их корабль. Они собираются плыть в Вест-Индию и набирают матросов..

Брайан не успел договориться, его перебил ещё более опьяневший пастор:

– Вот им теперь ещё и матросов наших подавай! Чтоб их всех забрал Сатана!

Джим внимательно прислушался к разговору. Вест-Индия, загадочная неизвестная земля, может вот он, его шанс изменить жизнь, сбежать от надоевшей реальности.

Поздно вечером Джим написал письмо своей любимой Кейлин, натянул плащ и шляпу и отправился в путь. Дорога пролегла между утёсов, ноги скользили по мокрым камням.

Закатное солнце делало все вокруг нереальным. Джиму стало немного не по себе в этом царстве теней, он торопливо зашептал молитву:

«Дева Мария, не оставь меня одного», и оглянувшись, нет ли поблизости пастора Грегора, шёпотом добавил: «И ты, богиня Дану, защити и охрани от духов и сидов»

Глава 2

В маленькой хижине посреди леса ярко горел очаг. Треск поленьев перекликался с шорохом сосен и елей за окном да завыванием ветра.

Высокая стройная женщина в льняном платье до пят достала глиняную миску, налила в неё воды, кинула туда сухую щепку, зашептала древние слова, смысл которых терялся в веках.

И вот уже не миска с водой перед ней, а бескрайнее море, не щепка плавает, а корабль. Ведьма увидела путника, поднимающегося по трапу.

– Много испытаний ждёт тебя на пути. Вижу затерянный остров со странными птицами и зверями. Пёстрая страна с белыми башнями ждёт тебя.

Женщина взяла шерстяной платок, вырвала две красные нити, связала их особым узлом.

– Как привязаны эти нити, так и ты привязан к своей любимой. Да хранит тебя любовь от бед и напастей, от слёз и страсти. От нищеты и смерти внезапной, как змеиный укус. От дел печальных, от стрел случайных. Награда сладка как песня, привезёшь королевский перстень.

Чёрный дракон охраняет древний закон.

Ведьма выплеснула воду в очаг, с трудом открыла замше-

люю дверь и устало побрела по лесной тропинке.

Пастор Грегор уже неделю не находил себе места. По долине Кейлар поползли слухи о могущественной ведьме, которая плетёт заговоры прямо под носом у католического священника. Кто она такая, как выглядит никто точно сказать не мог.

Пастору необходимо разгадать эту тайну, прекратить языческие обряды. Он мерил шагами узкое пространство церкви, от алтаря до двери и обратно.

Уже догорали последние свечи, погружая дом божий в полумрак, когда туда заявила обеспокоенная Кейлин.

– Отец? Проповедь давно закончилась, ты чего не идёшь домой? Я приготовила ужин.

– Кейлин, дочка, скажи, ты слышала слухи о местной ведьме, что якобы объявилась в нашей долине? Если бы в церкви не было так темно, пастор заметил бы как девушка вздрогнула и побледнела при этом вопросе.

– Нет, отец.

– Будь осторожнее, гуляя по окрестностям, я обязательно разберусь и найду безбожницу. Вот тогда ей не поздоровиться.

Кейлин только плотнее закуталась в плащ, будто хотела спрятаться.

Глава 3

Возможно, у моря много песен. Джим знал только одну, рыбацкую. Её он и сблизил, когда поднимался по трапу от вет-

хого причала на борт «Святой Марии».

Никто не обратил на него внимания, лишь боцман, увидев незанятого матроса только прикрикнул:

– Чего рот открыл? Быстро дуй на корму, помоги отдать швартовы.

И после нескольких дней пути морская стихия не стала понятнее и дружелюбнее. Джим старался не смотреть на воду, как жертва боится взглянуть в глаза хищника.

Океан их встретил неласково. День слился с ночью в священные сумерки,

корабль жалобно скрипел под натиском ветра и волн, опасно кренился на правый бок. Все, от матроса до капитана пытались спасти судно, проявляли героическое самопожертвование. Шторм в океане страшнее, чем чума, оставалось только ждать и молиться.

Неожиданный удар волны высотой с Мохеровую скалу сбил Джима с ног, закрутил и замотал его по палубе. Задыхаясь, он подумал, что настало его время увидеть тот ад, которым всегда пугал на проповедях пастор Грегор.

Джима ничто его не могло удержать на поверхности. Он тщетно пытался хоть за что-то ухватиться, но всё равно падал в тёмную бездну. Надежды больше нет, прощай Кейлин.

Вдруг перед глазами появились две красные нити, или это лишь игры погибающего разума? Джим вцепился в них как в последнюю надежду и перестал бороться, отдаваясь на волю Всевышнего.

«Святую Марию» ждал кровавый рассвет. Океан собрал свой урожай, погибла почти треть команды. Джима нашли на палубе, в обнимку с корабельным канатом.

После шторма Джим уверовал, что неведомая сила хранит его. Он обрёл весёлый азарт, стал смелым до безрассудства. Первым бросался на самую высокую мачту ставить паруса. Дурачился, изображая то птицу, то лучника, танцевал на мокрой палубе. Он же первым заметил вдалеке крошечный изумрудный остров.

– Земля! Клянусь Святой Марией и бородой Мерлина, земля!

Глава 4

К Вест-Индии доплыли к началу ноября. На родине в это время была уже глубокая промозглая осень с холодными дождями и пронизывающим ветром, здесь же весна уступала место лету.

И опять Джим вспомнил Грегора и Кейлин. Казалось, после штормового ада на корабле, судьба забросила в рай. Белый мелкий песок, прозрачная бирюзовая вода, в которой отражались пальмы. Джим впервые увидел мелких юрких зверьков, скачущих по деревьям.

– Это обезьяны, – объяснил боцман, – их здесь полно.

На первый взгляд было странно, что нигде не было видно аборигенов. Несколько матросов, знавших местный язык, отправились на разведку. Вернулись к вечеру, с докладом:

– Мы нашли, где можно взять товар. Нас будут ждать в за-

рослях, возле змеинового источника.

На рассвете, под прикрытием густого тумана загрузили на корабль ящики с редкими товарами – сахар, кофе, ваниль, табак, какао.

И не мешкая, отправились в обратный путь. Отплыли совсем не много, когда вдали показались корабли с чёрными флагами.

Бой был скоротечным, «Святую Марию» окружили и взяли на абордаж. Тяжело раненого капитана привязали к мачте:

– Никому не дозволено торговать с местными, кроме жителей Севильи. Ты умрёшь, чёрная собака. Я даже дам тебе выбор, утонуть в море или сброситься с каменного обрыва.

Раненый Джим искал место, где можно скрыться от флибустьеров. Он бродил в трюме, среди загруженных товаров, пока не свалился, запнувшись об очередную туюк. Что-то острое впилось в бок. Джим пошарил рукой на полу и вытащил брошь. Даже в сумраке трюма было заметно насколько она изящная и дорогая.

Решение пришло мгновенно. Джим зажал брошь в руке и поковылял на палубу.

– Слушай, разбойник. Предлагаю обмен, жизнь капитана на вот это, – Джим разжал кулак и драгоценность заиграла в лучах солнца.

– Занятная вещица, – ухмыльнулся пират.

– Занятная?! Эта брошь достойна самой королевы. Ты

только посмотри какая тонкая работа, какие чистые изумруды и золото высшей пробы.

Джим удивлялся сам себе, откуда он знал все эти слова?

Флибустьер нахмурился, а потом, о чудо, согласился на обмен.

– Кажется, я обязан тебе жизнью, Джим.

– Сочтёмся, кэп.

Они снова и снова налегали на вёсла, раз-два, раз-два, на корабле, плывущем в Севилью.

Глава 5

Брайан сам не понимал как так получилось, что он влюбился. Стоило ему только заметить стройную фигуру Кейлин, её льняные волосы и зелёные глаза, как сердце начинало странно выплясывать, то почти замирало, то стучало громче церковного колокола.

Он стал примерным прихожанином и вместо бара по вечерам заглядывал к пастору, спрашивал, не нужна ли помощь. Кейлин, казалось, всё замечала, но не подавала виду, вела себя вежливо и дружелюбно. Лишь изредка бросала на Брайана пронзительный взгляд, будто прожигала до самых внутреннихностей.

Однажды Брайан не выдержал. Поздно вечером, когда Кейлин задержалась в во дворе, подкрался к ней сзади, обхватил за тонкую талию, прижался губами к шее. Втолкнул её в хлев, к овцам и козам, развернул к себе лицом и впился поцелуем. Запах её тела будорожал сильнее, чем молодое

вино, что наливали в пабе. Рассыпавшиеся волосы щекотали кожу, он хотел собрать этот водопад, дергал почти до боли, но разве можно удержать стихию?

Животные тревожно блеяли, чуяли неладное. Кейлин оказалась не робкого десятка, отчаянно сопротивлялась. Только как могла хрупкая девушка противостоять крупному детине? Брайан бросил её на ворох сена:

– Ты моя русалка!

Кейлин упала на что-то твёрдое, пошарила руками и нашла деревянный крест, которые свалились со стены во время борьбы.

Размахнулась, и что было сил ударила Брайна по голове.

Тот отпрянул, по виску стекала струйка крови.

– Русалка говоришь? С этого дня будешь угасать и только она сможет спасти тебя. Запомни, или русалочья голова или могила!

Брайан не помнил, как оказался дома. Силы покинули его, он не мог больше выходить в море с рыбаками.

Море снилось ему каждую ночь. И там всегда была она – морская дева, сирена, русалка. Прижималась к Брайану мокрым скользким телом, опутывала длинными не то волосами, не то водорослями. Под этой тиной едва просвечивала молочная кожа рук и груди, а ниже Брайан боялся даже взглянуть. Тогда она брала его руку и клала на свой хвост. Юноша чувствовал, что прикасается к рыбе, на пальцах оставалась блестящая чешуя, жёсткий хвост царапал ноги.

Пастор Грегор в задумчивости бродил по деревне и окрестностям. Мысли о ведьме по-прежнему не покидали его.

Гуляя по вересковой пустоши пастор заметил женскую фигуру, закутанную в чёрный плащ. Женщина пыталась что-то закопать, шептала над каждой травинкой. Грегор тихонько подошёл ближе и узнал незнакомку.

– Что ты здесь делаешь, Ула?

Ула вздрогнула, уронила корзинку и её содержимое рассыпалось на землю – вереск, клевер, чертополох. И вылепленная из хлеба маленькая голова, обвитая лоскутами ткани и нитками.

– Ула, что это?

– Только не гневитесь, пастор! Я всё объясню, пожалуйста. Мой сын, Брайан, он тяжело болен. Он бредит, постоянно твердит о голове русалки, что её нужно похоронить. Вот я и..

– Ула, ты веришь бреду больного человека? Надо было позвать меня, чтобы я прочитал ему молитву.

У пастора закралась мысль, уж не Ула ли та, которую он ищет? В тот же день по деревне поползли слухи, что ведьма найдена и скоро её сожгут на костре.

Глава 6

Кто не видел Севильи, тот не видел чуда. Эту фразу на протяжении всего пути любил повторять глава пиратской шайки. В честь отличного завершения дела он велел раздать

флибустьерам пару ящиков рома. Пираты пировали на палубе и горланили песни.

Только бывший капитан «Святой Марии» не хотел мириться со своей участью, быть безмолвной жертвой. В трюме, куда сбросили пленников, он искал способ организовать бунт.

– Эй вы, нам бы тоже не помешало промочить горло, – крикнул капитан.

– Хочешь этого ведьминого зелья? – еле ворочая языком, прошипел кто-то сверху, – держи!

Вниз полетела полупустая бутылка. Ударившись о деревянный пол, она разлетелась вдребезги.

Кэп подобрал вогнутое дно бутылки, поднёс его к слабому лучу света и ждал. Вскоре дерево начало потихоньку дымиться.

Флибустьеры так опьянели, что заметили пожар, когда тот охватил половину трюма.

Доски рушились на матросов, одна из них едва не угодила Джиму в голову. Капитан вовремя успел выдернуть его из под горящих обломков.

– Кажется, мы в расчёте, кэп.

Пожар потушили, пленников связали и до конца пути заперли в трюме. Холод и влажность делали своё дело, пленники болели и умирали.

В Севилье сразу, как пиратский галеон пришвартовался к берегу, оставшихся в живых матросов отправили

на невольничий рынок. Джима ошеломил незнакомый город. Пёстрая толпа горланила на незнакомых языках, покупая и продавая. Сухой как чёрствая хлебная корка воздух непривычно царапал горло. Аромат дорогих пряностей смешивался с запахом немытых тел.

Внимание О'Коннора привлёк интересный старик в белой чалме и богато расшитом халате.

На плече у него сидела обезьянка, точно такая, как Джим видел в Вест-Индии.

Обезьяна протянула лапу и вцепилась Джиму в волосы. Старик повернулся к нему:

– Рики выбрала тебя.

Он бросил продавцу мешочек с монетами и велел Джиму следовать за ним.

Они шли почти через весь город, Джим увидел немало мужчин, одетых так же, как его новый хозяин, их здесь называли мавры. Наконец, пришли к грандиозному дворцу – крепости.

– Это Алькасар, дворец королей. А мой дом совсем рядом, там наискосок. Я придворный ювелир, Акрам-аль-Фаттах.

Джим оказался рабом в чужом доме.

Глава 7

Жилище ювелира поразило Джима. Комнат в нём было не меньше, чем домов в родной деревне. Внутри полы и стены были выложенные затейливой мозаикой, снаружи дом был обнесён высоким забором, надёжно охраняющим покой

всех домочадцев.

Их было немного, хозяева – сам ювелир и его дочь Малика и немногочисленные слуги.

Но больше всего Джима тянуло в маленькую комнату в задней части дома – мастерскую хозяина. На деревянном столе были закреплены тиски, рядом разложены напильники, свёрла, кусачки, ножницы.

Джим с благоговением наблюдал, как Акрам смешивал порошок кремнезёма с алюминием или магнием, плавил всё это в пламени очага. На выходе получалась прозрачная эмаль.

– Простая эмаль бесцветна, как туман, а наши женщины любят радость, – рассказывал старик. Видя интерес Джима к своему делу, он охотно делился знаниями.

– Добавь в неё кобальт, получишь синее море, с кадмием будет красный мак, а медью нежная зелень. Железо сделает эмаль бурой, словно земля после засухи, а олово белой, как наряд невесты.

Джим пробовал повторить движения мастера. Первые его цепочки и кольца были грубые и неуклюжие и мало напоминали изящные цветочные мотивы, как у ювелира.

Малике очень приглянулся новый раб отца. Высокий, белокожий, зеленоглазый, он очень отличался от загорелых кареглазых мужчин, что окружали девушку. Ирландец же сторонился дочери хозяина, даже завидев её издали, спешил скрыться.

Своей бедой Малика поделилась с одной из старых служанок.

– Не горюй детка, всё образуется. Дам я тебе один порошок, подсыпь ему в вино, но учти, наше виноградное не пойдёт, нужно что-то особенное.

Женщина порылась в своих запасах:

– Вот нашла, вишнёвое. Северное, с его родины, в самый раз.

Малика сделала всё, как научила старуха. Принесла вино в мастерскую отца, угостить родителя и ученика.

Джим пригубил напиток и почувствовал себя странно. Зеркала, как заколдованные, отражали незнакомое пространство.

Черноокая Малика улыбалась и звала к себе. Джим, как одержимый, шёл на зов. Внезапно в зеркале стал падать снег, крупные хлопья падали на смоляные косы Малики, укрывая её саваном. Вместо мавританки появилась другая девушка, Джим узнал Кейлин.

Его полуночный крик развеял наваждение.

Глава 8

Жители деревни Ладдаг собирались на площади. В центре её уже складывали дрова и ветки, чтобы разжечь костёр. Ведьма найдена и по настоянию пастора будет сожжена.

Грегор с удовлетворением наблюдал, как Улу привязывали к столбу, и самолично поднес факел к дровам.

Костёр едва начало разгораться, как вдруг повалил густой

мокрым снегом. Сухостой намок, огонь не хотел разгораться. Народ зароптал, это знак, Ула невиновна. Женщина, едва не ставшая случайной жертвой происков пастора Грегора, не могла поверить в своё второе рождение.

Кейлин тоже была на площади, но когда пошёл снег, поторопилась её покинуть. Пора, время пришло.

И снова Кейлин в маленьком домике посреди леса. Она принарядилась в лучшее платье из лилового шёлка, расшитое золотыми нитями.

Достала редкой красоты черепаший гребень, провела по волосам ровно девять раз. Цепь на её шее состояла тоже из 9 звеньев. И блюд на праздничном столе будет 9. 9 – число богини Дану, и с первым снегом наступало её время – праздник Бейлихвейн.

Девушка накрыла стол белой скатертью, поставила праздничные блюда. Три белых – соль, молоко, рыба, три желтых – тыква, пшенная каша, мёд, три земляных – хлеб, мясо, горький эль.

Девушка взяла по кусочку хлеба с мясом, пригубила специально сваренный к Беллихвейну полынный эль:

– Это угощение для вас, обитатели потустороннего мира. Как зерно, закопанное в землю, прорастает новым урожаем, так и человек, умирает и возрождается в новом теле. Эль горький, как земная жизнь, пробуждает веселье, что ждёт всех праведников за границей миров.

Все ушедшие из мира живых, по своей и не своей воле,

придите обратно. Сегодня ваша ночь, и три дня после первого снега ваше время навещать родственников.

И заскользили по домам деревенских жителей невидимые тени. Присаживались за стол послушать новости, с удовольствием перебирали и перставляли знакомые вещи, запутывая хозяев.

Тем, кто помнил об ушедших, помогали по дому, тем же кто забыл, мстили, душили домашний скот, ломали инвентарь.

Души убитых и самоубийц возвращались на место гибели, причитали и плакали, пугая воем случайных свидетелей.

Потом Кейлин капнула мёда на тыкву и кашу:

– Это угощение для вас, обитатели лесов, холмов, подземелий, вод речных и морских. Вкусите пищи земной и даруйте щедрый урожай, откройте богатые недра, отпустите своих жертв.

Брайан шёл по морскому берегу с наслаждением вдыхал солёный воздух. Тёплая вода приятно ласкала ноги, бриз трепал волосы. Как же он соскучился по запаху моря и шуму прибоя.

На большом валуне сидела его русалка.

– Причеши меня, – шипела она.

Откуда то в руках Брайана появился черепаховый гребень, он принялся водить по волосам девы. Раз, другой, третий.

– Идём со мной, – пела серена.

С каждым взмахом гребня Брайан делал шаг в море. Вода сначала была по щиколотки, потом по колени, по пояс. На девятом прикосновении захлестнула до подбородка, ещё шаг и морская пучина поглотит его навсегда.

– Брайан! Брайан!

Кто это зовёт? Русалка или мать с берега?

Юноша стряхнул оцепенение. Русалка растворилась в морской пене. Море, не получив свою жертву, ответило безумным штормом.

В эту ночь Брайан впервые за время болезни уснул спокойно.

А Кейлин было не до сна.

– Лучшие дары тебе, Дану. Рыба с морских глубин, молоко от щедрых земных угодий, соль из сердца земли и воды. Благослови Дану и дай силы ещё на год.

Усталость все же сморила Кейлин. Уже не впервые ей снился один и тот же сон.

Монолог Эгнесс.

Мы любили друг друга. Очень. Только мой возлюбленный родился королём, а я бедной крестьянкой.

Финбарр охотился в наших краях, я в лесу собирала травы. И когда наши взгляды встретились, мы оба пропали.

Но у нас даже не было надежды на то, чтобы быть вместе.

Я помню ту жуткую ночь. В замке короля готовились к празднику окончания лета. Повсюду горели синие костры, жертвенные животные тревожно кричали.

Люди, наоборот, были спокойные и сосредоточенные. После молитвы богам в священной роще все, не взирая на положение, цепочкой потянулись к замку короля.

Там уже были накрыты столы, звучала музыка. Верховный жрец ещё раз вознёс хвалу богам:

– Благодарим тебя, Дану за покровительство и защиту. Тебя, Дагда, за справедливость и доброту. Тебя, Нергле, за урожай и богатое угощение.

Люди приступили к трапезе. И чем веселее становился народ, тем мрачнее был их король. Он уже знал, что нам не быть вместе. Жрец гадал ему в роще, и ответ богов был один – нельзя королю жениться на простолюдинке. В самый разгар празднования, когда уже никто не обращал внимания на Финбарра, он покинул замок и пошёл к Мохеровым скалам. Я кинулась за ним, но когда добежала, было уже поздно. Мой возлюбленный лежал на земле, из груди его торчал меч. Капли крови стекали на влажный песок.

Я бросилась к нему и мои руки стали багровые и липкие.

– Что вы наделали, Боги?! Он мёртв. Его душа будет вечно скитаться между мирами, не зная пристанища.

И тут я почувствовала, как неведомая сила наполняет меня. Голос Дану звучал в моей голове:

– Души мёртвых остаются в мире живых 9 дней. Это дни Бейлихвейна. Вспоминай не только свою любовь, но и всех ушедших насильно. Всех моих слуг, фей, сидов, гномов, домовых. Снег будет проводником между тем и этим миром.

Взамен ты получишь часть моей силы. Ты и твоя дочь, дочь её дочери и так до скончания времён.

Пошёл первый в этом году снег. Я навсегда запомнила, как молитву, 9 дней от первого снега – праздник Беллихвейна, время вспоминать всех мёртвых.

Глава 9

После пережитого потрясения Джим уснул беспокойным сном.

Ему снилась девушка в лиловом платье. Лица он не видел, но чувствовал, что скучает. Джим шёл за той, что ему очень дорога невидимой тенью.

Он был с ней на празднике в старинном замке. Видел, как сияли её глаза, когда глашатай объявил:

– Его величество, король Финбарр Справедливоголовый.

Чувствовал её боль и отчаяние, когда она раненой птицей кружила над телом мёртвого короля. Джим испытывал огромное желание обнять, утешить девушку, но не мог. Он был для неё невидим.

В глубоком подземелье Джим видел похороненное тело, две руки крепко держали любящее сердце.

Пробуждение было тяжёлым. Успокоение Джим нашёл только в мастерской хозяина. Акрам священодействовал с золотом и одновременно наставлял ученика:

– Золото это мягкость. В умелых руках послушно принимает любую форму.

Золото это мощь. У кого больше жёлтого металла, у того

больше возможностей. Из-за него разгорается войны, создаются и рушатся империи.

Золото это магия. С ним можно всё обрести или всё потерять. Не дай этой магии овладеть тобой, мой мальчик. Не поддавайся ложному очарованию, владей не владея.

Джим повторял движения ювелира и с каждым разом у него получалось все лучше.

– Ты талантливый ученик. Твоё сердце видит и понимает красоту, твои руки могут её повторить. Я не вечен, когда-нибудь придёт моё время уйти. Аллах не дал мне сына, который продолжил бы моё дело.

Но он послал мне тебя.

Я вижу, как Малика страдает по тебе, она любит тебя. Дай клятву, что женишься на моей дочери и я сделаю тебя наследником. Подумай, Джим, что лучше быть рабом или уважаемым ювелиром?

Что ждёт тебя в Ирландии, только холод и нищета. Здесь у тебя всегда будет достаток, почёт, уважение.

Внутри Джима шла нешуточная борьба. Сердце и долг его тянули на родину, разум призывал остаться. Искушение занять место придворного ювелира было слишком велико.

Выбор будет фатальным.

Глава 10

После несостоявшейся казни жизнь в деревне кипела, как вода в котле. Происходило что-то необъяснимое.

Кое-где по дворам погибал скот, у других ломались моты-

ги и грабли. Добрые соседи стали с подозрением смотреть друг на друга, временами едва не доходило до рукоприкладства.

Грегор замечал эти изменения, когда ходил навещать больного Брайана. Ловил недобрые взгляды, слышал какие-то стоны. Пастор только крепче сжимал крест и торопливо шептал отрывки из Святого писания.

Долго молился пастор и у постели Брайна. Он считал своим долгом помогать больным и страждущим. Парень пошёл на поправку, а пастор ещё больше уверился в могуществе католической церкви.

Но больше состояния Брайана пастора волновала собственная дочь. Кейлин уже неделю пропадала где-то вечерами. На вопросы отвечала путано и очень неохотно. Странное поведение дочери настораживало. Грегор боялся, что Кейлин повторит судьбу её матери. Кьяра была славной доброй девушкой, но после рождения дочери её здоровье пошатнулось.

Кьяра стала слышать голоса в голове, разговаривать с кем-то невидимым. И так же исчезала с первым снегом. Грегор боролся как мог, читал молитвы, проводил обряд очищения, изгонял злых духов. Но увы, усилия не дали результатов.

Грегор был вынужден отправить Кьяру в закрытый монастырь со строгим уставом. 10-летней Кейлин соврали, что мама умерла. Отче всегда корил себя за эту ложь, ежедневно молил Господа о прощении. И всячески стремился загладить

свою вину перед дочерью.

Неужели теперь судьба наказывает его за совершенное злодеяние? Пастор догадывался, кто колдует у него под носом, и боялся, что его догадка окажется правильной.

На восьмой день отец не выдержал и решил проследить за дочкой.

Поздним вечером пастор шёл по следам, оставленным на свежем снегу. Тропинка привела его к ветхому домику. Грегор дёрнул дверь, та поддалась со скрипом. В приёме оказалась женская фигура. Ведьма?

Женщина обернулась на скрип и пастор задохнулся от удивления.

Глава 10

– Кьяра?! Но как...

Женщина растерялась не меньше пастора, но быстро взяла себя в руки.

– Здравствуй, дорогой муж! А ты наверно думал, что избавился от меня навсегда?

Слепая ярость плескалась в её глазах.

– 9 лет, 9 безумно долгих лет, я провела по твоей милости почти в тюрьме. Вдали от родных мест, от родной дочери..

Грегор с испугом огляделся, где же Кейлин?

– Она ненадолго вышла и я пробралась сюда.

– Вы не виделись, Кьяра?

– Ещё нет, но я очень хочу обнять мою девочку.

Пастор застыл в напряжении, он не мог допустить этой

встречи. Кьяра безумна, кто знает, что она расскажет дочери. Кейлин никогда не простит ему этой лжи.

Проклятье! Что же делать?

Грегор постарался выиграть время, чтобы обдумать свои шаги.

– Как ты здесь оказалась? Откуда ты знаешь это место?

– Мне его показала моя мама, а ей её мама. Я же впервые привела сюда Кейлин, когда та была совсем крохой. – Кьяра устало присела на лавку. Она сильно сдала за прошедшие годы.

– Ты думаешь, это просто лесная хижина? На этом месте находилось древнее святилище богини Дану. Именно поэтому сила здесь чувствуется особенно ярко. Дар, который Дану оставила всем нам. И Кейлин тоже.

– Что мне оставила Дану?

За разговором оба родителя не заметили, как их дочь вошла в приоткрытую дверь. Грегор застыл в испуге. Он не мог пошевелиться, боялся даже вдохнуть, чтобы не нарушить напряжённую тишину.

Мать и дочь смотрели друг на друга не отрываясь, у обеих одинаково прдрагивали кончики пальцев. Первой отмерла Кьяра. Она сделала решительный шаг навстречу Кейлин, порывисто обняла дочь.

– Мама?! Ты жива?! Что всё это значит? – Кейлин уже не сдерживала слёз.

– Отец, ты говорил мне...

– Дочка, послушай, я всё объясню, – Грегор с трудом подбирает слова, – Так было лучше для вас обеих.

– Лучше жить без матери? Думать, что она умерла, каждый год поминать её среди мёртвых? Ты в своём уме?

– Твоя мать и ты, Кейлин, вы обе, обладаете какой-то непонятной мне силой, над которой не властна церковь. За такие дела, что творились в этой хижине, именем Господа сжигают на костре. Разве мог я допустить, чтобы кто-то узнал, что жена католического священника ведьма? А тем более, чтобы тебя сожгли, Кьяра? Я пытался тебя спасти, спрятать от инквизиции.

И за тебя, Кейлин, я тоже переживал. Но случилось то, чего я боялся, ты повторяешь судьбу своей матери.

Грегор выдохся, глаза его больше не горели праведным огнём.

– Не беспокойся, Грегор. Мне не долго осталось, скоро я действительно отправлюсь в иной мир, как ты и хотел. Я проделала долгий путь, чтобы обнять перед уходом свою дочь.

Кьяра повернулась к Кейлин:

– Будь осторожна дочка. Не показывал всем ту силу, что тебе дана. Отец прав, если о твоих способностях прознают, казнь неизбежна.

В то время, когда на одном конце континента снежный вихрь скрывал непростой разговор трёх путников, на другом краю света было в прямом смысле жарко.

В маленькой ювелирной мастерской кипела работа. Джим

раздул огонь, расплавил в нем золотой слиток. А потом долго колдовал над жёлтым металлом.

Он знал, что должно получиться. То, что видел во сне не давало покоя, мучало, просилось наружу. Вся его тоска по дому, боль от расставания, любовь и страсть плавилась вместе с золотом и воплощались в мечту. Работа была тонкой, кропотливой, Джим несколько раз пробовал, переплавлял и снова переделывал.

Только под утро он забылся тревожным сном, Акрам нашёл его спящим прямо в мастерской. На столе лежало удивительное кольцо – две руки сжимают сердце, увенчанное короной.

Такой красоты ювелир никогда не видел. Интересно, кому оно предназначено? Акрам хотел взять кольцо в руки, чтобы рассмотреть его поближе, но Джим тут вскочил.

– Я пришёл услышать твой ответ. Что ты решил, Джим?

Глава 11

Уже который день Джим ходил задумчивый. Он никак не мог решить, какой ответ дать Акраму-аль-Фаттаху. Остаться рабом или жениться на Малике.

– Дай мне время, Акрам. Как раб может жениться на дочери придворного ювелира? Твоя дочь достойна лучшего мужа. И богатого выкупа за неё.

– Ты больше не раб, ты мой ученик. Я научу тебя всему, что умею сам. Но взамен, через год ты станешь мужем Малики.

– Я принимаю твоё решение. Моё будущее в твоих руках.

С тех пор Джим все дни пропадал в мастерской, постигал секреты ювелирного дела. Джим оказался очень талантливым учеником, из-под его рук выходили настоящие сокровища.

Минул год. Джиму предстояло выполнить волю Акрама, стать мужем Малики. В доме вовсю шли приготовления к свадьбе. Скоро девушка подарит жениху не только поцелуй, но и свою невинность. Джим боялся получить то, что предназначалось совсем не ему.

Потому он с тяжёлым сердцем блуждал по городу, вопросительного взирая на белые минареты и царский дворец, словно ждал от них ответа. Бесцельно бродил по рынку. Многие торговцы уже узнавали его, почтительно здоровались. Он давно не был нищим оборванцем, стал уважаемым и состоятельным человеком.

Ноги сами привели его в порт, откуда началось его невольничество. Джим осматривал судна, разговаривал с моряками. Вдруг услышал родную английскую речь:

– Быстрее! Пошевеливайтесь, черти! Отчаливаем через полчаса.

Решение пришло мгновенно. Джим бросился к кораблю, разыскал капитана и уговорил его взять Джима на борт.

Собственно, капитан не сильно сопротивлялся, когда увидел богато одетого пассажира, который к тому же обещал щедро расплатиться за проезд.

И опять Джим оказался на борту корабля, снова вокруг море, к которому он так и не привык.

Только через несколько дней пути Джим начал замечать какие-то странности. Матросы двигались словно привидения, капитана совсем не было видно.

Сам корабль напоминал призрак, скользящий по волнам быстрее стрелы, выпущенной из лука.

Джиму казалось, что он сходит с ума. Помощь пришла неожиданно. Точнее, вцепилась в волосы.

– Рики? Откуда ты здесь?

Джим узнал обезьянку Акрама, но понятия не имел, как она оказалась на судне.

Глава 12

Время нельзя повернуть вспять. Годы, проведённые в заключении монастыря не вернуть обратно. Болезнь подтачивала Кьяру изнутри, как жуки дерево.

Кейлин изо всех сил старалась спасти маму. Потеряв её раз и снова обретя, она не хотела повторения трагедии. Днём девушка обитала с отцом в деревне, а ночью навещала мать в лесной хижине.

Лес осенью стоял чудный, багряно-золотой. Кейлин собирала ингредиенты для лечебного зелья – травы, древесный гриб, горсть ягод калины, пучок сосновых иголок. Блуждающие огоньки окружали со всех сторон, подсвечивали необходимую травку. Не иначе феи помогают найти то, что нужно, думала Кейлин.

Вечером в хижине мать и дочь вновь ворожили.

– Твой гость близко, Кейлин. Млечный путь укажет путь кораблю, что ты отправила ему. Волшебство морской девы даст защиту от штормов и бурь. Морская лазурь напомнит мужчине твои глаза. Жди скорой встречи, дочка.

Кьяра совсем обессилела. Кейлин поила её лечебным отваром, приговаривая как молитву:

– Только живи, пожалуйста поправляйся.

А в тесном пространстве церкви молился Грегор, просил господу вразумить его и наставить на путь истинный. От былого высокомерия не осталось и следа. Он смиренно принимал выпавшую ему долю и больше не пытался вести охоту на ведьм.

Даже в любимый паб, где бывал почти ежедневно, перестал заглядывать. Поэтому новость об увиденном матросами странном корабле, что мчит по океану быстрее молнии, прошла мимо деревенского священника.

Глава 13

Возвращение Джима в родную деревню не было радостным. Едва добравшись до околицы, О'Коннор увидел траурную процессию. Возглавлял её пастор, рядом шла Кейлин. На Грегора и дочь больно было смотреть, оба белее выпавшего снега, плелись, поддерживая друг друга. Они вновь остались вдвоём, только теперь уже без надежды на чудо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.